

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 1 • 2009 • ЯНВАРЬ–МАРТ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

История перевода и переводческих учений

Костикова О.И. Перевод и развитие русской словесности в эпоху Петровских реформ 3

Методология перевода

Гуртуева Т.Б. Художественный перевод как составляющая культурного диалога 10

Лю Темэй. Концепт «дом» в русской и китайской языковых картинах мира и его перевод 16

Малинина Р.А. Вежливость как объект прагмалингвистики и компонент лингвистической компетенции переводчика 25

Раздобудько-Чович Л.И. Трансформированные пословицы и поговорки в рассказах Стефана Митрова Любиши (культурологический аспект перевода) 34

Дидактика перевода

Гарбовский Н.К. Подготовка переводчиков в условиях двухуровневой системы высшего специального образования 44

Lynn Visson. The problem of Teaching Simultaneous Interpretation from a Native into a Foreign Language / *Линн Виссон.* О синхронном переводе на иностранные языки: проблемы преподавания 52/53

Ольвера-Лобо М.Д., Киро-Хервилья Э.Ф. и др. Представление модели дистанционной работы для внедрения в практику преподавания перевода в соответствии с требованиями Болонской декларации 62

Терминология

Миллиареси Т.В. О месте терминологии и лексикографии в общей теории перевода 75

Хроника научной жизни

Есакова М.Н., Литвинова Г.Н. Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе» 84

Рецензии

Чайковский Р.Р. Зеркало переводчика 87

Памяти

Анри Мешонник (1932—2009) 94

Contents

History of Translation and Translation Studies

- Kostikova, O.I.* Translation and the Development of Literary Language
in the Age of Peter the Great.....3

Translation Methodology

- Gurtuyeva, T.B.* Literary Translation as a Component of Cultural Dialogue 10
Liu Tiemei. The Concept of “House” in Russian and Chinese Linguistic
Pictures of the World and its Translation 16
Malinina, R.A. Category of Politeness as a Subject Matter of Pragmalin-
guistics and a Component of Translator’s Linguistic Competence 25
Razdobudko-Čovič. Transformed Proverbs and Sayings in the Short Sto-
ries by Mitrov Ljubiša (Culturological Aspect of Translation) 34

Translation and Interpretation Didactics

- Garbovsky, N.K.* Training Translators and Interpreters in the Two-Level
System of Higher Education..... 44
Visson, Lynn. The Problem of Teaching Simultaneous Interpretation
from a Native into a Foreign Language 52
Olvera-Lobo, M.D., Quero-Gervilla, E.F. The Representation of Remote
Work Model for Introduction into the Practical Teaching the Translation
in Accordance with the Requirements of Bologna Declaration 62

Interpretation Issues

- Milliaressi, T.V.* On the Place of Terminology and Lexicography in Tras-
latology 75

Chronicle of Scientific Life

- Yesakova, M.N., Litvinova, G.M.* International Scientific Conference
“Russian language in the modern world: traditions and innovations in
teaching Russian as foreign language and in translation” 84

Reviews

- Chaykovsky, R.R.* Translators mirror: Notes on E. Kalashnikova’s Book
“In Russian with love. Interviews with Translators” 87

In Memory

- Henry Meschonnic (1932—2009) 94

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

О.И. Костикова,

доцент, зам. декана по научной работе и международным связям
Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова

ПЕРЕВОД И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

Развитие словесности в европейских странах самым тесным образом связано с переводческой деятельностью. Миссия переводчиков, вовлечённых в процессы развития и распространения национальных языков, зачастую подкреплялась на самом высоком государственном уровне в связи с просветительскими устремлениями первых лиц государств. Россия не является исключением. В статье описываются основные изменения, произошедшие в русском языке на фоне реформаторской деятельности Петра I, его вклад в развитие русской словесности в связи с необходимостью освоения большого количества иноязычной, преимущественно научно-технической литературы в XVII—XVIII вв. и ограниченными возможностями письменного книжного языка, сложившегося к концу XVII в.

Ключевые слова: переводческая деятельность, словесность, церковнославянский язык, письменный язык, заимствования.

O.I. Kostikova,

Associate Professor. Vice-dean the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University

Translation and the Development of Literary Language in the Age of Peter the Great

In many European countries, the development of literary languages was closely connected with translation activity. Translators were engaged in developing and disseminating national languages, and their mission was often supported at the highest level by monarchs' enlightenment aspirations. Russia was no exception. The article describes major transformation of the Russian language stemming from Peter I's reforms. In the 17th and 18th centuries the Russian literary language underwent radical change, since it was necessary to assimilate a lot of foreign literature, which was mostly scientific and technical, but the scope of the late 17th century written Russian language was quite limited.

Key words: translation activity, literary language, Church Slavonic, written language, borrowings.

История становления русского языка, как и большинства европейских языков, самым тесным образом связана с переводческой деятельностью. В середине IV в. для перевода текстов Священного Писания готский епископ Вульфила на основе знаков греческого, италийского и рунического алфавитов создаёт готскую азбуку.

Через пять столетий, преследуя ту же цель — перевод богослужебных книг и распространение христианской веры, византийские монахи Кирилл и Мефодий разрабатывают первую славянскую азбуку. Возникший в результате миссионерской и просветительской деятельности братьев церковнославянский язык получил своё дальнейшее развитие в переводах текстов в основном религиозного содержания и вплоть до XVIII в. использовался на Руси как язык общелитературный.

Большую роль в просветительно-переводческой деятельности играли и первые лица государств. Прославившийся в эпоху династии Аббасидов (750—1258) багдадский «Дом мудрости» был основан халифом аль-Мамуном для перевода на арабский язык трудов индийских и древнегреческих учёных по философии, астрономии, медицине, математике, алхимии. Во Франции (Карл Великий, Карл Лысый, Карл Мудрый), в Англии (Альфред Великий), в Испании (Альфонсо X) при дворах королей создавались центры по переводу литературных и научных памятников. Как правило, появление подобных центров, поощрение деятельности переводчиков в Европе происходило в русле проводимой монархами политики поддержки и развития национальных языков, которые приобретали всё большую самостоятельность на фоне господствовавшей латыни, постепенно вытесняя её из традиционных сфер употребления: политики и государственного управления, юриспруденции, науки, литературы. При этом зачастую сами монархи принимали активное участие в процессе перевода и редактирования уже выполненных переводов, как, например, король Испании Альфонсо X (1226—1284).

В Древней (Киевской) Руси к началу XI в., т.е. вскоре после принятия христианства, Ярослав Мудрый, преследуя просветительские цели, также способствовал развитию переводческой деятельности. В наиболее раннем из дошедших до нас древнерусских летописных сводов, Повести временных лет, говорится о том, что киевский князь «собра писце многы и перекладаша от грек на словенское письмо... насея книжными словесы сьрдца верных людей» [ПлДР, 1978, с. 166]. Благодаря интенсивной переводческой деятельности, проходившей на фоне усвоения славянского книжного наследия, Киевская Русь очень быстро превратилась в центр славянской, в частности переводной, письменности, расцвет которой был прерван впоследствии татаро-монгольским нашествием.

Формирование облика современного русского языка началось в связи с преобразовательной деятельностью Петра I, благодаря которой реформа литературного языка, назревавшая еще в XVII в., стала неотвратимой.

Самым наглядным воплощением инновационных устремлений Петра I в области становления и развития русского литературного языка была реформа русского алфавита. Отказавшись от церковнославянской азбуки, Петр заменил её новой «гражданской», из которой исчез ряд букв и значков, а оставшиеся получили начертание западноевропейских букв. Наряду с этими формальными изменениями происходили и более глубокие процессы, затронувшие всю систему российской словесности и свидетельствовавшие о европеизации литературного процесса, с одной стороны, и о разрыве с церковнославянскими традициями в языке — с другой.

Распространение идей просвещения, развитие науки и техники требовали перевода и написания новых книг и учебников. Понадобилось освоить большой материал иноязычных книг, чтобы использовать научные и технические знания, культурный опыт других народов на благо России.

С.М. Соловьев, упоминая общественно-политические преобразования Петра I, направленные на просвещение его подданных, отмечал, что «для школ и для распространения сведений... нужны были книги на русском языке, прежде всего учебники», что «дело перевода книг было одним из самых важных и самых трудных дел». Именно поэтому Петр лично следил за деятельностью переводчиков, «он не только указывал, какие книги надобно переводить, но и требовал переводы к себе, сам исправлял их, учил, как надобно переводить...»¹

Действительно, влияние Петра сказывалось прежде всего на выборе произведений для перевода: они носили ярко выраженный светский характер, так как в религиозной литературе особой нужды не ощущалось². Это не означает, что перевод религиозной литературы прекратился совсем, но в общем объеме переводимых в то время трудов она занимала скромное место.

Более же всего российский император и его соратники в деле распространения новых знаний были озабочены проблемой языка перевода, к которому предъявлялись требования ясности и гибкости³. Более того, необходимо было придумывать наименования новым, впервые встречающимся понятиям, для которых в русском

¹ Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989.

² См., например: Указ Синоду от 11 сентября 1724 г.: «Посылаю при сем книгу Пуффендорфа, в которой два трактата, первый — о должности человека и гражданина, другой — о вере христианской; но требую, чтобы первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужде быть...»

³ См., например: Указ Зотову «Об избегании в будущем ошибок», 25 февраля 1709 г.: «...И того ради надлежит и в той книжке, которую ныне переводите, остереца в том, *дыбы внятнее перевести*, а особливо те места, которыя учат как делат; и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точно сенс выразумев, на своем языке уже так *писат, как внятнее может быть*» (курсив наш. — О.К.).

языке не имелось обозначений. Для описания новой действительности церковнославянский язык оказался непригоден: его лексика и семантика прочно укоренились в церковно-религиозном мировоззрении, а грамматическая система была оторвана от живого языка, а значит, непонятна широкому кругу читателей, для которых новые знания и были предназначены в первую очередь.

В поисках основы для нового литературного языка внимание было обращено на язык Посольского приказа — центрального правительственного учреждения в Москве с середины XVI в. ведавшего сношениями с иностранными государствами. Роль московских государственных канцелярий (приказов) в развитии русского национального языка в XV—XVII вв. трудно переоценить, так как это было единственным местом, где систематически накапливался опыт связного письменного изложения именно на русском, а не на церковнославянском языке, где формировались грамматические и орфографические нормы русского письменного языка. Именно поэтому в Петровскую эпоху при решении задачи писать по-русски, а не по-«словенски» указывалось как на образец на язык «приказный»⁴. Действительно, деловой или «приказный» язык того времени отличался необходимыми качествами: он был доступен и понятен широкому слою общества и далёк от церковно-религиозной семантики, т.е. был языком светским.

В то же время обращение к деловому языку как к основе вновь создаваемого литературного языка не решало всех проблем, стоящих перед последним. Сформировавшийся в недрах государственных канцелярий, официально-деловой язык Посольского приказа был приспособлен прежде всего для обслуживания конкретных сфер общественной жизни и как следствие характеризовался ограниченным лексическим составом и однообразным клишированным синтаксисом. Развивающийся же на его основе литературный язык был предназначен для выражения самого разного содержания: и научного, и философского, и художественного. Необходимо было вводить в оборот новые слова и идиомы, создавать грамматические и синтаксические конструкции, способные передать всё многообразие, описываемых в оригинале объектов, понятий и ситуаций.

Возможно, именно в силу ограниченных возможностей официально-делового языка церковнославянский язык не был полностью

⁴ Один из соратников Петра I граф И.А. Мусин-Пушкин писал переводчику Федору Поликарпову: «...при сем же посылаю к тебе и географию переводу твоего, которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простым русским языком... Со всем усердием явися и высокими слов славенских класть не надобеть, но Посольского приказу употреби слова».

исключён из употребления. К его словам и оборотам прибегали как для обозначения отвлечённых понятий, так и для выражения высокого в формирующемся литературном языке. Нужно было дождаться второй половины XVIII в., для того чтобы использование церковнославянизмов в системе русского литературного языка было упорядочено.

Ещё одним средством обогащения русского литературного языка стали получившие уже достаточное развитие европейские языки. Это касается в первую очередь лексического состава русского языка. Благодаря интенсивным связям с западноевропейскими странами и переводу книг не только с греческого языка и латыни, а по большей части и с европейских языков, в русский язык хлынул огромный и первое время плохо регулируемый поток заимствований. Позднее наплыв иноязычной лексики немного ослаб, оставив в русском языке некоторое количество иноязычных слов, освоенных, но чужеродных. Многие из этих слов сохранились до нашего времени: *глобус, крейсер, армия, гвардия, кавалерия, акт, аренда, рапорт, контора, комиссия, градус, центр, автор, ода* и т.п.

Эту тенденцию хорошо иллюстрируют переводы, выполненные первым русским поэтом-просветителем А.Д. Кантемиром, в частности произведения Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», где приводятся обширные переводческие примечания «для изъяснения так чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея». Даже свою переводческую стратегию — «слово от слова» при работе над «Письмами» Горация А.Д. Кантемир оправдывает помимо прочего стремлением обогатить родной язык: «другая польза от того произойдёт, ежели напоследок те новые слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно».

Однако наряду с прогрессивным заимствованием, в значительной степени обогатившим русский литературный язык в Петровскую эпоху, отмечается излишнее увлечение иностранными словами, свойственное прежде всего представителям высшего света, часто и подолгу бывавшим за границей и выражавшим таким образом своё преклонение перед всем иностранным, с одной стороны, и пренебрежение к народу — с другой. Мода на иностранные слова засоряла формирующийся русский язык и вызывала негативное отношение Петра I⁵.

⁵ См., например, письмо послу Рудаковскому: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради тебе впредь реляции свои к нам писать всё российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов».

Реакцией на засилье заимствований в русском языке в конце XVII — начале XVIII в. стало создание калек. Происходило оно в русле всё той же просветительской миссии, так как позволяло раскрыть внутреннюю мотивацию термина, сообщая дополнительную информацию о новом понятии без лишних комментариев и описательных оборотов, значительно отягощающих текст перевода, сделать его смысл прозрачным для читателя, встречающего термин впервые.

Н.С. Арапова, исследовавшая кальки в русском языке послепетровского периода, отмечает, что создаваемые кальки могли быть двух видов — словообразовательные и семантические. Словообразовательные кальки конструировались по принципу воспроизведения морфологической структуры и семантики калькируемого прототипа, при этом новое слово-калька создавалось из «родных» морфем: *средоточие, средоземлие, сосуществование, многоножка*. Словообразовательные кальки всегда связаны с созданием нового означающего. При возникновении семантической кальки нового означающего не создаётся, а используется уже существующее слово, но в новом для него значении, заимствованном из иностранного языка [Арапова, 2000, с. 15]. О переосмыслении русских слов в своих переводах, т.е. создании семантических калек, А.Д. Кантемир также упоминал. В предисловии к переводам «Разговоров о множестве миров» он пишет: «Приложил я к ней краткие примечания... для русских <слов>, употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится».

В дальнейшем история развития российской словесности свидетельствует, что в литературе, в том числе и переводной, мода на заимствования и кальки постоянно менялась в контексте непрекращающейся борьбы между приверженцами русского и иностранного, старого и нового и т.п.

Что касается реформаторской деятельности Петра I, то она, как было сказано выше, повлекла за собой значительные изменения в русском языке и, в частности в лексике. По меткому замечанию М.В. Ломоносова, «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

В отношении фонетических, грамматических и лексических норм литературный язык Петровской эпохи был крайне неоднороден. Однако постепенно была выработана достаточно стройная система норм, закреплённая в грамматике Ломоносова. Не последняя роль в этом развитии принадлежала переводу. Значение переводов для развития русского литературного языка, взаимосвязь языков и культур, воплощённую в результатах переводческого труда, отмечал М.В. Ломоносов на примере греческо-русских

переводов: «С греческого языка имеем мы великое множество слов русских и славенских, которые для переводу книг сперва за нужду были приняты, а после в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском языке родились» [Ломоносов, 1950—1957, с. 608—609].

Список литературы

Арапова Н.С. Кальки в русском языке послепетровского периода. Опыт словаря. М., 2000.

Ломоносов М.В. Материалы к «Российской грамматике» // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. VII. М.; Л., 1950—1957.

Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1978. (ПЛДР).

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Т.Б. Гуртуева,

доктор литературы, профессор Университета Фатих (Турция). E-mail: tamara@fatih.edu.tr

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Востребованность лучших представителей русской культуры в области литературы и искусства является безусловным свидетельством необходимости диалога в духовной сфере. И в этом процессе не последнюю роль играет переводчик, который помогает строить мост между двумя иноязычными поэтическими культурами. Таким образом, перевод является наиболее важным звеном в процессе взаимосвязей литератур. В ходе работы полноценный перевод какого-либо текста с одного языка на другой означает не просто перевод отдельных слов и предложений, он предполагает его адаптацию и интерпретацию с учетом различий не только между языками, но и между культурами, с которыми эти языки связаны. Немаловажную часть культуры составляет мир ощущений и ассоциаций. В процессе работы над оригиналом переводчик проходит несколько ступеней восприятия, от усвоения эскизного фона подлинника до высокого уровня, когда это восприятие становится системным. Такой подход позволяет выйти в область типологических признаков психологии переводческого творчества и при этом рассматривать художественный перевод как фактор формирования межнациональной поэтики. Выдвинутые в тезисах положения конкретизируются на материале перевода на турецкий язык стихотворения Бориса Пастернака «Зимняя ночь».

Ключевые слова: Бог, символ, поэтическая интерпретация, психология поэтического творчества.

T.B. Gurtuyeva,

Doctor in Literature, Professor at Fatih University, Turkey. E-mail: tamara@fatih.edu.tr

Literary Translation as a Component of Cultural Dialogue

Demand for the best representatives of Russian culture in the field of art and literature is the definite proof of the necessity of dialogue in the spiritual sphere. In this process, an important role is played by the translator who builds a bridge between two foreign poetic cultures. Thus, translation is the most important link in the process of interrelations of literatures. High-grade translation of any text from one language into another means not only a simple translation of separate words and sentences, it also assumes adaptation and interpretation taking into account the distinction not only between languages, but also between their respective cultures. The world of sensations and associations constitutes an important part of any culture. During the work on the original text, the translator goes through a number of perception phases, from acquiring outline background of the original text to the high level when this perception becomes systematic. Such an approach makes it possible to enter the area of typological signs of psychology of translational activity and at the same time to consider a literary translation as a factor of formation of international poetics. The thoughts put forward in the theses are specified on the material of the translation of Boris Pasternak's poem "Winter night" into the Turkish language.

Key words: God, symbol, poetic interpretation, psychology of poetic creative work.

Художественный перевод является одной из составляющих культурного диалога между народами. Определение ступеней восприятия, начиная от элементарных этапов, когда усваивается лишь эскизный фон подлинника, его отдельные черты или эпизоды сюжета, до высокого уровня, когда восприятие принимает системный, цельный характер, даёт возможность выйти не только в область выявления типологических признаков психологии переводческого творчества, но и рассматривать художественный перевод как фактор формирования межнациональной поэтики.

В эволюции восприятия инонациональной литературы наблюдаются два этапа, обусловленные как различием социально-культурных обстоятельств, так и несовпадением этапов развития литератур, национальных традиций. Для начального периода характерен процесс вовлечения в орбиту своего миропонимания традиций художественного мышления, идей, образов, эмоций переводимого автора, когда текст воспринимается как замкнутая имманентная структура. Отсюда неравномерность объёма воспринимаемой эстетической информации. Воображение останавливается на компонентах текста, которые способствуют «выплёскиванию» образов, уже обозначившихся в творческом воображении и развивающихся в ходе приобщения к оригиналу, но не находящих импульсов для системного выражения. Неравномерная концентрация изобразительно-выразительных средств нередко приводит к выпячиванию отдельных структур, возможно, даже второстепенных. На втором этапе восприятие и поэтическая интерпретация идут в контексте историко-культурного времени. К динамике переводческого творчества кроме интуиции подключается аналитическое познание текста. И тогда открываются интересные образные созвучия, раздвигаются стилистические возможности поэтической речи, повышается культура художественного слова. И, пожалуй, нигде так явно не проявляется понимание иноязычного текста, как при его стихотворном переводе. Стихотворный перевод специфичен, поскольку «поэтическая речь представляет собой структуру большой сложности. Она значительно усложнена по отношению к естественному языку» [Лотман, 1984, с. 17]. В процессе перевода ввиду разности поэтических культур неизбежно происходит трансформация художественного текста, который в данном случае несет признаки амбивалентности.

Востребованность лучших представителей русской культуры в области литературы и искусства является безусловным свидетельством необходимости диалога в духовной сфере. И в этом процессе не последнюю роль играет переводчик, который помогает строить мост между двумя иноязычными поэтическими культурами. Однако

этот мост может быть крепок лишь при знании и особом чувственном понимании эстетических качеств обеих культур. Переводчик становится соавтором переводимого произведения, подчиняя собственное искусство законам поэтики и стиля переводимого произведения. Но не всегда ему удаётся преодолеть трудности, связанные с тем, что языки оригинала и перевода принадлежат разным культурам. Успех переводчика, как правило, зависит не только, а возможно, и не столько (если вспомнить переводы из французской поэзии, осуществлённые русскими поэтами-символистами) от близости его перевода подлиннику, но в большей степени от эстетической силы переведённого произведения и способности восприятия произведения духовного мира его героя.

Попытаюсь конкретизировать выдвинутые выше положения на примере перевода турецкими переводчиками блистательного стихотворения Бориса Пастернака «Зимняя ночь». А исходной позицией для анализа этого перевода станет признание самого автора, отрицавшего современные ему переводческие воззрения. Поэт неоднократно утверждал, что стоит «на точке зрения прошлого столетия, когда в переводе видели задачу *литературную...*» (курсив мой. — Т.Г.).

В 1946 г. Пастернак пишет восхитительное стихотворение «Зимняя ночь», вошедшее в сборник Юрия Живаго (роман «Доктор Живаго»). Насыщенность символами и метафорами делает это стихотворение трудным не только для восприятия, но особенно для перевода его на другой язык. И здесь уже не обойтись одним пониманием текста, необходимо дополнительное эстетическое усилие, которое поможет вжиться в стихи и по отдельным строчкам представить целостное мироощущение поэта. У Пастернака, быть может, как ни у кого другого, внешний мир стихотворения, имея достаточно чёткие очертания, разнится с внутренним состоянием лирического героя. О нём почти ничего не сказано, всё живёт на довербальном уровне. Сокровенное невыразимо, защищённое образами-символами оно вершит некое таинство. Можно сколь угодно говорить о соотношении мироощущения поэта с эпохой и историческими коллизиями, но как быть с пронзительным выражением одиночества, «бездомности», трагизма, переданного музыкой его стиха? Вспоминаются бальмонтовские строки: «Я ненавижу человечество, я от него бегу спеша / Моё единое Отечество — моя пустынная душа...»? А спустя почти полвека наша современница Белла Ахмадулина, подхватив дирижёрскую палочку у самого «короля русской поэзии» — Константина Бальмонта, сплетёт своё тончайшее кружево: «О, одиночество! Как твой характер крут /

Посверкивая циркулем железным / Как холодно ты замыкаешь
круг / Не внемля увереньям бесполезным...».

Музыка передаёт движение, и взгляд останавливается на образе, без которого «путь наверх» невозможен — образе *свечи*. Но прежде возникнет образ *метели* («Мело, мело по всей земле / Во все пределы...»). Метель — очищение или дьявольская стихия? Если в раннем стихотворении «Февраль» (1912), когда текст воспринимался как некая замкнутая имманентная структура, для передачи тревоги и вызываемого ею унылого, гнетущего настроения поэту достаточно было двух коротких фраз («Февраль. Достать чернил и плакать!»), то «Зимняя ночь» несёт уже мощный философский потенциал, основанный на вере в существование Бога в душе каждого человека. И личное, растворяясь, отходит на второй план. У Блока в «Двенадцати» снежный вихрь — бездна, а Христос — жертва и единственно возможное спасение. На фоне властвующей метели в «Зимней ночи» символом бесконечной веры в Христа, а значит, и веры в любовь (ибо Бог есть Любовь) и неизменность жизни на земле становится образ нетлеющей свечи. И она не погаснет, пока будет жить вера в Иисуса Христа. Одинокая человеческая душа противостоит дьявольской пляске метели, и как бы ни было легко затеряться в этой затягивающей в свой вихрь снежной мгле, но ведомый ангелами человек удержится от соблазна, и разомкнется круг одиночества, чтобы показать тот единственный путь к обретению света — путь к Христу. Очищение происходит на онтологическом уровне, озарение уносит в пронзительную высоту Духа («Я вернусь к вам, люди, в вас же самих...»).

*На озарённый потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.*

*И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал...*

Не напоминает ли это распятие Христа? Тихая мелодия, едва слышимая, чтобы не заслонить собою образ распятого Иисуса. Вселенская трагедия разыграна на наших глазах: реальные вещи (внешние атрибуты жизни: башмачки, пол и др.), исчезая, обнажают внутреннюю суть трагедии — распятия; использованная метафора (*воск слезами с ночника на землю капал*) как нельзя обнажённое передаёт это действие. Предложение с начальным союзом «и» вос-

ходит к старославянской традиции, что опять-таки не случайно в структуре стихотворения. Оба предложения работают на создание образа Христа. Да и капля, падающая с ночника, удивительным образом вызывает у нас ассоциацию с каплей крови, стекающей со лба распятого Иисуса.

В стихотворении связующую роль играет рефрен *Свеча горела на столе*. Повторенный четырежды он, по всей видимости, восходит к следующим евангельским текстам: «Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (Лк 12:35); «И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф 5:15). В Евангелиях образ свечи непосредственно связан с антитезой *свет/тьма*. И если метель предстаёт в стихотворении в разных обликах, то свеча неизменна, а в последней строфе её пространство даже увеличивается за счет увеличения количества строк.

С какими трудностями пришлось столкнуться в работе с переводом стихотворения на турецкий язык? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к текстам подлинника и его турецкого эквивалента. В первой же строке подлинника используемый Пастернаком прием антитезы (*метель* противопоставлена образу *свечи*, олицетворяющей собой вечность) не находит себе должного выражения в переводе на турецкий язык. Свеча, символизирующая прежде всего веру, говорит о неизменности её, ибо угасание свечи равносильно угасанию веры и как следствие — угасанию и самой жизни человека. Метель как стихия не выходит за пределы *закоулков*, в оригинале стихотворения настойчивость повторения *свеча горела...* говорит о её неизменности, при переводе же даже замена глагола в прошедшем времени *гореть* на причастие *горящая* сокращает пространство, ограничивая действие пределами одной комнаты. Во 2-й строфе у Пастернака *слетались хлопья со двора / к оконной раме* — в переводе глагол *лететь* (опять же в настоящем времени) неоправданно соседствует с глаголом *смотреть*, выраженным формой повелительного времени *смотри* (*Sinek nasıl yaz geldi mi/ Ateşe uçar / Uçyor bak onun gibi / Pencerede kar*). В третьей строфе в результате замены *метели* на *ветер* происходит снижение образа *снежной стихии*. Кроме того, четырежды повторенный рефрен *Свеча горела на столе / Свеча горела* есть тот остов, на котором держится вся образная структура стихотворения, а в переводе приведённый лишь дважды он не только нарушает целостную композицию стиха, но и размывает чёткий рисунок Времени и Судьбы. В последней строфе рефрен опять видоизменяется. Образ веры и вечности низводится до бытового предела — *горящая свеча согревает комнату*. Увы, сокращается не только пространство свечи, но главное — она теряет свою символическую суть, и не без помощи переводчиков образ растворяется. Я не увидела в турецком варианте

ни озарённого потолка, ни указания на распятие Иисуса Христа (в оригинале: *Вздыхал, как ангел, два крыла / Крестообразно*) и даже надежды на воскресение, т.е. на незыблемость Веры. Но вопреки тому, что не всегда этими переводчиками были найдены аналоги или близкие соответствия сложности того духовного механизма, к которому они прикоснулись, ими всё же была предпринята попытка по сохранению стиля оригинала. Такой подход непременно должен укрепить связи между двумя поэтическими культурами.

Специфика литературы заключается в её словесной образности. Поскольку слово — это общедоступный материал общения, то от переводчика требуются усилия для формирования чувства удивления перед красотой слова, перед его разнообразием и способностью создавать неповторимые художественные образы, особенно когда речь заходит о сотворчестве с Борисом Пастернаком. Так кто же есть переводчик — *предатель*, как говаривали итальянцы, или *соперник*? И тот и другой пытается, дойдя до сути подлинника, вернуться в рамки собственного творения. Но культура, выйдя за свои пределы, возвращается уже в изменённом качестве. Неизбежные попытки сближения разных языковых культур либо порождают вторичность, либо перевод функционирует как вполне самостоятельное произведение искусства, представляя типологически схожее явление. Возникающие различия вполне объяснимы не только сложившимися литературными традициями, но прежде всего индивидуальностью переводчика. Поэтому оценка качества перевода может зависеть либо от творческой индивидуальности переводчика, либо от его творческих установок. Будет лучше говорить об удачном или неудачном переводе, талантливом воспроизведении подлинника или переводном произведении, лишённом художественной силы. И тогда не придется вторить «философу» (один из персонажей эссе Н.М. Бахтина): «Перевод не нужен уже просто потому, что это подделка, хотя и крайне искусная» [Бахтин, 1995, с. 342]. Но как средство взаимного духовного сближения культур и народов перевод всегда будет вызывать к себе интерес в современном мире.

Список литературы

- Бахтин Н.М. Разговор о переводах // Из жизни идей. М., 1995.
Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1984.
Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. В.Е. Холшевников. 2-е изд. Л., 1967.
Суханова И.А. Ещё раз о лейтмотиве свечи в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Ярославский педагогический вестн. 2003. № 3 (36).
Pasternak B. Doktor Jivago'nun 17. Bolumu. Istanbul, 2001.

Лю Темэй,

магистр филологических наук, профессор русского языка Даляньского ун-та иностранных языков (Китай). E-mail: lgbbmm@yandex.ru

КОНЦЕПТ «ДОМ» В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА И ЕГО ПЕРЕВОД

В статье исследуется концепт «дом» — один из ключевых концептов в русской и китайской культуре. Сравнительный анализ концепта «дом» в русской и китайской языковой картине мира позволяет определить различие в его содержании в русской и китайской культуре и установить причину неадекватного восприятия русского концепта «дом» китайскими студентами-русистами. Различия в значениях концепта «дом» в русской и китайской языковых картинах мира наиболее отчетливо проступают именно в переводе, при попытках наиболее точной передачи значений китайского концепта «дом» средствами русского языка. В статье приводятся примеры, иллюстрирующие трудности подобных переходов, обусловленные асимметрией языков и культур.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, понятие, реалия, перевод.

Liu Tiemei,

Master of Philology, Professor of the Russian Language at Da Lian University of Foreign Languages (China)

The Concept of 'House' in Russian and Chinese Linguistic Pictures of the World and its Translation

The article explores the concept of 'house', which is one of the key concepts in Russian and Chinese cultures. The comparative analysis of this concept reveals differences in its content within Russian and Chinese cultures and allows to establish why Chinese learners of Russian misunderstand the Russian concept of 'house'. The differences in meaning of this concept in Russian and Chinese cultures are particularly evident when one is trying to translate accurately all the meanings of the Chinese word 'house' into Russian. The article illustrates with examples the difficulties of the translation, which arise from the asymmetry of languages and cultures.

Key words: concept, linguistic picture of the world, notion, realia, translation.

Филологическая дисциплина — лингвокультурология нуждается в собственном понятийно-терминологическом аппарате, адекватно сочетающем в себе её лингвистические и культурологические истоки. Основой для такого аппарата призвано служить активно разрабатывающееся понятие концепта.

Концепт как идеальная сущность раскрывается через национальную языковую картину мира. Языковая картина мира трактуется исследователями [В.В. Воробьев, 1999 и др.] как зафиксированная в языке схема восприятия, концептуализации и систематизации действительности мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы.

Если понятие является одной из важнейших разновидностей отражения объективной действительности, реализуемой в определённой логической форме и т.п., то концепт трактуется расширительно: под это обозначение подводятся разные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия.

Исследованием понятия «концепт» занимаются многие учёные. Следует отметить, что, несмотря на широкую распространённость, термин «концепт» не имеет однозначного толкования. На сегодняшний день существует много определений этого понятия. В научной литературе концепт понимается по-разному. Существует несколько подходов к пониманию концепта.

А. Узкое понимание: в «Большом толковом словаре русского языка»: Концепт (лат. *conceptus*) — понятие, мысль, представление, содержание понятия [БТС, 2001, с. 454]. Таким образом, согласно этому определению, концепт — это то же самое, что и понятие, так как понятие отражает наиболее общие и наиболее существенные признаки предмета или явления. Но надо отметить, что понятие отличается от концепта именно своей универсальностью [Гарбовский, 2007, с. 273].

Б. Расширенное понимание: расширенный подход представлен в «Кратком словаре когнитивных терминов» [КСКТ, 1996, с. 90], где концепт рассматривается как термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике. Концепты возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причём эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах.

В. Культурологическое понимание: культурологический подход к понятию концепта также имеет немало сторонников. Согласно Ю.С. Степанову, концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает какое-то определённое слово, и есть его концепт. По определению Ю.С. Степанова, концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека [Степанов, 2001, с. 43].

К культурологическому пониманию концепта примыкает точка зрения Д.С. Лихачёва, который в своей работе «Концептосфера русского языка» считал, что концепт не непосредственно возникает из значения слова с личным и народным опытом человека. Концепт

тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами [Лихачёв, 1993, с. 4—5].

Интересной представляется предложенная В.В. Колесовым интерпретация концепта: «фрагмент <...> мыслительного пространства в той мере, в какой он представлен в языке...» [Колесов, 1999, с. 159]; «...переход от образа культуры к понятию о культуре и далее — к её идее» [Колесов, 2002, с. 128—129]. Для В.В. Колесова важно, что материей концепта является слово [Колесов, 1999, с. 156], что концепт как сущностный признак словесного знака грамматически может быть представлен (главным образом) в виде имени, выражающего обобщённый признак.

Следовательно, узкое, расширенное и культурологическое понимание концепта — это не разные понимания, а разные этапы существования концепта. Это означает, по мнению Колесова, что «основная единица ментальности — концепт данной культуры в границах словесного знака и языка в целом предстаёт в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ. В этом случае под концептом следует понимать не *conceptus* (условно передаётся термином “понятие”), а *conceptum* — “зародыш, зёрнышко” первосмысла, из которого и произрастают в процессе коммуникации все содержательные формы его воплощения в действительности» [Колесов, 1999, с. 81].

Вывод о том, что формой концепта является слово, чрезвычайно важен, поскольку предполагает возможность использования лингвистических методов анализа при исследовании культурных концептов.

В русском языке немало концептов. Для того чтобы сопоставить один и тот же концепт в русской и китайской картинах мира, мы выберем концепт «дом».

Концепт «дом» очень важен для понимания русской культуры. В русском языке в слове «дом» кроется священный смысл. Это понятие находит широкое отражение и истолкование в различных толковых словарях. Для исследования концепта «дом» в русском языке, мы рассмотрим и обобщим словарные статьи к слову «дом».

1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. Напр., *Деревянный дом. Жилой дом* и т.п.

2. Жилое помещение, квартира; жильё. Напр., *На дом* — к себе на квартиру, домой. и т.п. // Помещение, служащее временным жильём на время выполнения человеком какой-л. работы. Напр., Экипаж обживает свой *космический дом* (космический корабль).

3. (собрир.) Семейство, семья, люди, живущие в одной семье или в одном доме. Напр., *Принять, взять в дом кого-либо* — включить в свою семью и т.п. // Хозяйство отдельной семьи. Напр., *Вести дом* — хозяйничать, заниматься домашним хозяйством. **Дом вести* — *не лапти плести* (поговорка).

4. (мн. нет). Место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования. Напр., *Общеввропейский дом. Родина — наш общий дом* и т.п. // Место жительства, работы и т.п., ставшее для человека родным, своим. Напр., *Родной дом. Отчий дом* и т.п.

5. Род, фамилия; поколение. Напр., *Породнился с богатым домом*.

6. Династия, царствующий род. Напр., *Дом Романовых* и т.п.

7. В составе названий различных учреждений, заведений. Напр., *Дом отдыха, Дом-музей* и т.п. // Жилое строение типа гостиницы, общежития для временного проживания работников некоторых отраслей хозяйства. Напр., *Дом колхозника* и т.п. // Государственное учреждение для проживания и обслуживания некоторых категорий граждан (детей, одиноких и больных стариков, больных и т.п.). Напр., *Дом малютки* и т.п. // Учреждение клубного типа, объединяющее граждан по интересам, профессиям и т.п. Напр., *Дом культуры* и т.п. // Учреждение, занимающееся пропагандой и распространением научных знаний, достижений в области производства, культуры. Напр., *Дом научно-технической пропаганды* и т.п. // Крупный специализированный магазин. Напр., *Дом обуви* и т.п. // В составе названий торговых, общественных и других учреждений, заведений. Напр., *Торговый дом* и т.п.

В русском языке существует немало устойчивых словосочетаний со словом «дом», напр., *Воспитательный дом* — в России до 1917 г.: благотворительное учреждение для воспитания внебрачных детей и подкидышей. *Жёлтый дом* (разг.) — больница для душевнобольных. *Ночлежный дом* (устар.) — специально обустроенное помещение, куда пускали ночевать бездомных бедняков, бродяг. *Публичный дом* — заведение, где живут и принимают посетителей проститутки. *Дом терпимости* (устар.) — публичный дом. *Сумасшедший дом* — больница для психически больных и т.п.

Вспомним также несколько перифраз: *Дом ароматов* — парфюмерная фирма. *Дом здоровья* — санаторий-профилакторий. *Дом на колёсах* — пассажирский вагон. *Дом на Лубянке* — Комитет государственной безопасности СССР. *Большой дом* — аналог Московской Лубянки в Санкт-Петербурге. *Дом сказок* — киностудия «Союзмультфильм». *Белый дом* — правительство США, а теперь и аналогичное здание Правительства РФ.

Таким образом, через определения значений «дом» и иллюстративные материалы в разных словарях можно отметить, что в русском языке многозначное «дом» обладает большим богатством содержания.

Как нам известно, важной особенностью лингвокультурологических исследований является сопоставительная установка при описании фактов национальной культуры. В лингвокультурологии явления и элементы иностранного языка и культуры даются в сопоставлении с родным языком и культурой страны учащихся [Воробьев, 1999, с. 96; Васильева, 2001, с. 10].

И соответственно, после того как мы рассмотрели словесное выражение концепта «дом» в русской языковой картине мира, далее мы сделаем попытку выяснить, какой национально-культурной спецификой обладает аналогичный концепт в китайской языковой картине мира.

В связи с тем, что китайцы воспринимают «дом» как реалию, важно отметить, что в китайском языке «дом» не обладает таким богатством содержания, как в русском.

Далее мы будем рассматривать китайский «дом» как реалию. Возьмём одноэтажный традиционный китайский дом в качестве сопоставительного примера. Перед этим домом находится свободное пространство, в центре которого — двор. Двор может быть окружён с четырёх сторон постройками, т.е. главным зданием и флигелем. Вход в дом обычно с южной стороны, к входу обращено главное здание, перед ним размещается двор, в который ведут ворота. Окна этого главного здания обращены на юг, они закрыты стеклом или бумагой, пропускающей свет (окна русского дома могут быть обращены на все стороны света и могут выходить и во двор, и на улицу. Они не имеют строгой ориентации по сторонам света). Все стены, которые не выходят прямо во двор, глухие. [Чу Минь, 1998, с. 91—95]

Китайский дом отличается от русского дома не только по внешнему виду, но и по обстановке в доме. Наиболее почитаемым местом в русском доме является красный угол (где стоят иконы), по диагонали от красного угла расположена не менее значимая русская печь. И красный угол, и русская печь не имеют предметного эквивалента в китайском доме.

В китайской и русской культурах разные части дома приобретают разную символику роли. Например, крыша, стена, порог, дверь в русском языке могут метонимически называться «весь дом», а в китайском — нет. В китайском языке родной дом, семью символизирует дым от очагов (русский эквивалент — домашний очаг).

Место, которое может символически свидетельствовать о совместном проживании (жить в одном доме) в китайском языке — стреха (жить под одной стрехой), а в русском — крыша (жить под одной крышей).

В китайском языке «дом» обозначается тремя иероглифами: а. 楼: двухэтажное, многоэтажное здание; б. 房: здание; комната; квартира; в. 屋: здание; комната. Русское слово и его китайские эквиваленты совпадают лишь в вышеуказанных значениях. Во всех остальных значениях эти слова не совпадают. Русское «дом» имеет также значение «семейство, семья, люди, живущие в одной семье или в одном доме», в котором оно соответствует другим китайским словам, а именно 家 (семья), 家人 (домашние, родные).

Та часть языковых картин мира, которая демонстрирует внешнее подобие, т.е. представляется симметричной, является на самом деле неэквивалентной. Эта неэквивалентность обусловлена тем, что каждый этнос имеет собственное представление о мире, об общих явлениях культуры. И эти различия в значениях наиболее отчётливо проступают именно в переводе, когда мы стараемся как можно точнее передать какое-либо понятие средствами иного языка [Гарбовский, 2007, с. 274].

Различия русского «дом» и китайского «дом» вызывают трудности в переводе.

Например, «дом» в русском языке употребляется в составе названий различных учреждений, заведений, но в этом значении оно переводится на китайский язык по-разному, в зависимости от того, о каком конкретно учреждении или заведении идёт речь. Ср.: 1. дом — 宫 (дворец). Например, Белый дом — 白宫 (Белый дворец); Дом культуры — 文化宫 (Дворец культуры). 2. Дом — 家 (семья). Например, Дом офицеров — 军人之家 (семья офицеров); Дом учёных — 科学家之家 (семья учёных). 3. дом — 店 (магазин). Например, Дом книги — 书店 (книжный магазин); Дом обуви — 鞋店 (обувной магазин) и др.

Таким образом, китайский «дом» и русский «дом» никак нельзя считать «двумя ярлыками для одной и той же вещи». Русский «дом» включает в себе такую систему значений, с которой китайский «дом» совпадает лишь частично. При переводе необходимо учесть эти моменты.

Далее мы рассмотрим перевод китайского «дом» на русский язык сквозь призму китайских фразеологизмов, пословиц и устойчивых выражений.

1. Фразеологизмы, пословицы и устойчивые выражения, в которых «дом» обозначает «здание, помещение».

高屋建瓴 (фраз.) Излить воду из бутылки с крыши высокого *дома*. Употребляется в переносном значении «неудержимые господствующие позиции, выгодное положение».

爱屋及屋 (фраз.) Из любви к *дому* полюбить ворону на нём. Употребляется в переносном значении «из любви к человеку полюбить и всё, что с ним связано».

屋上架屋 (фраз.) Над одним *домом* строить ещё другой. Употребляется в переносном значении «излишнее нагромождение органов, учреждений и др.»

空中楼阁 (фраз.) Воздушные *дома* и терема. Употребляется в переносном значении «нереальный план».

山外青山楼外楼 (посл.) Гора за горой, *дом за домом*. Это известная стихотворная строчка, которая первоначально описывала пейзаж и со временем стала носить переносное значение: «существует более выдающийся человек, чем выдающийся».

青楼 (уст. выр., устар.) *Дом* цвета цин (цин — оттенок между серым и голубым цветами) — публичный дом.

2. Фразеологизмы и устойчивые выражения, в которых «дом» обозначает «жилое помещение, квартиру; жильё».

四海为家 (фраз.) В четырёх морях (т.е. повсюду, в любом месте) находить себе *дом*, в смысле «везде чувствовать себя как дома». Это о свободном страннике.

安居乐业 (фраз.) Спокойно жить в своём *доме* и мирно работать. Это об идеальном, благополучном состоянии жизни.

白手起家 (фраз.) Создать из ничего свой *дом*, т.е. создать из ничего своё благополучное дело.

3. Фразеологизмы и пословицы, в которых «дом» означает «семья».

Хотя в китайском языке «дом» обозначает конкретный предмет, реалию, но надо иметь в виду, что во многих китайских фразеологизмах, пословицах и устойчивых выражениях со словом «**家** (семья)», которое в переводе на русский язык обозначается словом «дом». Например:

家和万事兴 (посл.) В *доме* лад — десять тысяч дел (т.е. всё) уладится.

家喻户晓 (фраз.) Известно всем *домам* (т.е. Известно всем, без исключения).

家徒四壁 (фраз.) *Дом* так беден, что кругом одни пустые стены.

家贫如洗 (фраз.) *Дом* так беден, что будто обмытый.

家道小康 (фраз.) Зажиточный *дом* (ср.: *Дом* — полная чаша).

在家千日好，出门半日难 (посл.) Хорошо тысячу дней в своём *доме*, трудно половину дня вне *дома* (ср.: В гостях хорошо, а *дома* лучше. *Дома* и стены помогают).

Соответственно с тем, что в китайском языке «дом» и его производное слово «домашний» неразделимы, приведём и примеры со словом «домашний».

4. Фразеологизмы, пословицы и устойчивые выражения со словом «домашний».

家丑不可外扬 (посл.) Не говорить чужим о *домашних скандалах* (ср.: Не выносить сор из избы).

清官难断家务事 (посл.) Даже способному чиновнику трудно разобраться в *домашних дрязгах* (ср.: Отца с сыном и царь не рассудит).

家常便饭 (фраз.) *Домашняя еда*. Употребляется и в прямом, и в переносном значении: «самое обыденное явление».

家鸡野鹜 (фраз.) *Домашняя курица* и дикая утка. Употребляется в переносном значении: «отвлечение к своей жене».

家贼难防 (фраз.) Трудно остерегаться *домашнего вора* (ср.: *Домашнего вора* не уберёжешься).

家传秘方 (уст. выр.) *Домашний секретный рецепт*.

家常话 (уст. выр.) Разговор о всех *домашних делах*.

家规 (уст. выр.) *Домашние правила, домашний уклад*.

家教 (уст. выр.) *Домашнее воспитание*.

Таким образом, концепт «дом» в русской языковой картине мира полицентричен, каждое из его смысловых ядер в зависимости от культурных потребностей этноса может приобретать большую активность, т.е. актуализироваться, но при этом другие смысловые центры могут сосуществовать с «главным». Но в китайской языко-

вой картине мира «дом» не обладает таким богатством содержания, как в русском. В связи с различием в объёмах концептов «дом» у русских и китайцев возникают разные ассоциации со словом «дом», и тем самым возникают соответствующие проблемы перевода, которые были предметом изучения данной статьи и будут предметом дальнейшего анализа.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* (отв. ред.) Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Васильева Г.М.* Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания. СПб., 2001.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. Дом бытия языка. М., 2000.
- Воробьёв В.В.* О статусе лингвокультурологии: Мат-лы Конгресса МАПРЯЛ. Доклады и сообщения российских учёных. Братислава, 1999. С. 97—117.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М., 2007.
- Колесов В.В.* Жизнь происходит от слова... СПб., 1999.
- Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб., 2002.
- Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3—9.
- Скороспелкина Г.С.* Концепты в этнофилологической подготовке студентов // Филология в вузе и школе. СПб., 1998. С. 183—187.
- Чу Минь.* К вопросу о переводе лексики, относящейся к культуре русского домоводства (на материале художественного перевода с русского языка на китайский) // Русский язык за рубежом. 1998. № 4. С. 91—95.

Словари

- Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001 (БТС).
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
- Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2000.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996 (КСКТ).
- Новиков А.Б.* Словарь перифраз русского языка. М., 2000.
- Новый китайско-русский словарь. Пекин, 1993.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Р.А. Малинина,

кандидат филологических наук, доцент, Высшей школы перевода
(факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: r_malinina@mail.ru

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ И КОМПОНЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Объект исследования статьи — коммуникативная сущность категории вежливости и возможности вербальной и невербальной репрезентации её на материале немецкого языка. Вежливость является обязательным компонентом диалога, в рамках которого выделяются векторы общения, имеющие отношение к социальному статусу собеседников. Сочетание векторов и аспектов вежливости диктует выбор либо стандартизованных, либо свободных средств выражения вежливости, которые представлены в данной работе. Поскольку знание общественно-культурных норм и способов функционирования речевых актов вежливости является компонентом лингвистической компетенции переводчика, то и умение структурировать коммуникативную ситуацию с использованием всех возможных средств выражения вежливости представляет собой одну из стратегий достижения адекватности перевода.

Ключевые слова: Вежливость, прагмалингвистика, вектор вежливости, коммуникативная ситуация, речевой акт, лингвистическая компетенция, сохранение лица.

R.A. Malinina,

Dr. phil., the senior lecturer, the teacher of German language; the senior lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU). E-mail: r_malinina@mail.ru

Category of Politeness as a Subject Matter of Pragmalinguistics and a Component of Translator's Linguistic Competence

The subject matter of this article is the communicative essence of the category of politeness and the possibility of its verbal and non-verbal representation (on the material of the German language). Politeness is an obligatory component of a dialog, in which communication vectors, related to the social status of interlocutors, are distinguished. A combination of vectors and aspects of politeness imposes the choice of either standardized or free means of expressing politeness, introduced in this work. Since the knowledge of social and cultural norms and functions of speech acts of politeness is part of the translator's linguistic competence, the ability to structure a communicative situation, using all possible means of expressing politeness, is one of the strategies to make translation adequate.

Key words: politeness, linguistic pragmatics, vector (orientation) of politeness, communicative situation, speech act, linguistic competence, "face saving".

Нужно ли быть вежливым? С кем? Как она проявляется в языке и поведении? Вежливость — это одна из важных норм поведения как в обществе, так и в межличностных отношениях. Поэтому обращение к этой теме актуально как в социолингвистическом, куль-

турологическом, так и собственно лингвистическом аспекте. Когнитивно-лингвистический анализ вежливости в разных языках может дать результаты, интересные для сравнительной типологии и переводческой деятельности.

Вежливость как лингвистическая категория наиболее полно может быть исследована в русле прагмалингвистики. До возникновения самого термина Ш. Балли отмечал в своей работе «Язык и жизнь»: «...для самого незначительного сообщения необходимо, чтобы мысль стала действием и с помощью речи обрела силу. Достаточно вспомнить самые обычные обороты, которыми выражается приказ или просьба, чтобы понять этот характер языка. Если вы хотите, чтобы кто-нибудь к вам подошёл, вы в разных случаях скажете это по-разному; средства выражения будут меняться в зависимости от того, какие отношения связывают вас и человека, к которому вы обращаетесь, и особенно от того, что, по вашему мнению, может последовать в ответ на вашу просьбу: согласие или возражение. Отсюда бесконечное разнообразие формул: “Приходите!” “Не хотите ли прийти?” “Вы придете, не правда ли?” “Ну скажите, что придете!” и т.д. Во всех этих таких разных высказываниях угадывается напряжение говорящего, ощущается борьба с возможными возражениями и чувствуется необходимость оказать воздействие на собеседника» [Балли, 2003, с. 34].

Вежливость — это один из важнейших элементов коммуникативной компетенции изучающих иностранный язык, один из центральных моментов межкультурной коммуникативной ситуации. В контексте изучения иностранного языка обсуждение этой категории обоснованно:

— так как некорректное использование формул вежливости манифестирует отчуждение;

— для владеющих иностранным языком не всегда легко вести себя соответственно коммуникативной ситуации без знания правил вежливого поведения.

Исходным пунктом рассуждений на тему вежливости должна стать констатация того факта, что язык — это орудие, часть репертуара человеческого действия, поведения. И если теория речевого акта рассматривает эффект воздействия с точки зрения говорящего, то будет справедливо рассматривать коммуникативную ситуацию с точки зрения получателя информации — слушающего. Для рассмотрения категории вежливости важны две позиции теории речевого акта Серля: иллокутивность и перлокутивность. Ведь когда мы с помощью языка выражаем просьбу «Ты мне поможешь завтра приготовить обед?» мы изменяем действительность того, к кому обращаемся, тем, что он теперь ограничен в своих действиях. С другой стороны, очень важно, как будет декодировано высказы-

вание слушающим. Например, высказывание «Грузовик едет слишком медленно», обращённое одним из велосипедистов к другому, едущих за грузовиком, может быть декодировано как «Давай обгоним!». Такое понимание смысла высказывания обусловлено ситуативным контекстом. Косвенные речевые акты имеют непосредственное отношение к вежливости, поскольку как стандартные формулы вежливости, так и отклонения от стандартов облачаются в форму не прямых или косвенных актов. В косвенных речевых актах перед получателем информации стоит проблема интерпретации высказывания: должен ли он понимать высказывание дословно и прямо или нет. В любой коммуникации речь идёт о том, чтобы состоялось одинаковое понимание высказывания. Для этого собеседники должны использовать необходимые знания, которые составляют их коммуникативную компетенцию: знание языка, языковых и общественно-культурных норм и способов функционирования речевых актов.

Одной из важных моделей рассмотрения категории вежливости представляет собой модель Гофмана [Goffman, 1974, с. 80], который за основу исследования принимает так называемый *face*. Этот термин предполагает стремление к сохранению лица, того образа, который говорящий должен создать о себе у собеседника. В процессе социализации люди вырабатывают такое лицо — *Selbstbild*, — которое соответствует тому, насколько человек в определённом обществе в состоянии соответствовать общественным ожиданиям и обязательствам, т.е. по своей сути это социальная ценность. В связи с этим возникает необходимость учитывать две важные особенности:

1. Каждый контакт с другим человеком, каждая языковая интерпретация несут с собой опасность угрозы лицу. Сохранение лица — это процесс, сопровождающий социальные контакты.

2. В процессе общения происходит взаимодействие двух феноменов — лиц, при котором сила действия равна силе противодействия, т.е. то, как и насколько ты соблюдаешь потребности того, с кем общаешься, способ общения с собеседником отражается на социальном статусе отправителя информации, поэтому и говорящий и слушающий должны соблюдать правила социальной интеракции.

Р. Эрндль [Erndl, 1998, с. 65] развивает теорию лица, отмечая, что ожидания в процессе общения могут быть охарактеризованы как *positive face* и *negative face*. Первое означает ожидание признания и позитивного отношения к себе. Второе означает уважение автономии и предоставление свободы действий. Сохранение лица понимается как удовлетворение этих двух ожиданий. Коммуникативные ситуации не исключают угроз сохранения лица, и в таких случаях подключаются различные стратегии, помогающие обойти

эти нарушения сохранения лица либо смягчающие эти нарушения. Совокупность этих стратегий и их включение в коммуникативную ситуацию и создают феномен вежливости. Угрозой для negative face ожиданий может быть то, что должен сделать слушатель: ему дают совет, приглашают к какой-либо деятельности, угрожают, призывают и т.д., либо он должен защитить себя от зависти, восхищения, комплиментов и т.д., т.е. от выражения сильных положительных или отрицательных эмоций собеседника.

Угрозой для positive face слушателя могут быть негативные или осуждающие высказывания — возражения, критика, оскорбление и т.д. или, когда говорящий не принимает во внимание социальной ценности слушающего, небрежное обращение, бестактная перемена темы разговора, прерывание речи собеседника и т.д. Таким образом, целью вежливости является устранение либо смягчение конфликтной ситуации. В понимании Р. Эрндля, вежливость — это стратегически необходимые и нормативно ожидаемые вербальные и невербальные действия, направленные на сохранение лица своего и собеседника, которые служат для того, чтобы избежать конфликтной ситуации и создать благоприятные условия для общения.

Существует вежливость в более широком и более узком смысле. Вежливость в узком смысле это вежливость, ориентированная на частично универсальные, но в основном на культурно-специфические ожидания норм поведения. В более широком смысле вежливость имеет отношение к общим стратегиям, стимулирующим позитивный климат общения. В вербальной реализации вежливость частично стандартизована, частично свободна.

Слова и предложения сами по себе не имплицируют категорию вежливости. Самое простое стандартизованное «спасибо» не всегда гарантирует, что говорящий эти слова будет восприниматься слушающим как вежливый. Следует обратить внимание на три аспекта, которые в каждом конкретном случае должны приниматься во внимание, чтобы классифицировать речевой акт как вежливый.

1. Контекстуальная обусловленность вежливости.

2. Соотношение вербального и невербального в коммуникативной ситуации.

3. Соотношение вежливого действия и вежливого высказывания.

В рамках контекстуальной обусловленности различаются три вектора общения:

1. Горизонтальная дистанция: как собеседники оценивают социальную и персональную близость.

2. Вертикальная дистанция: видят ли собеседники элементы властных или иерархических отношений.

3. Уровень жесткости угроз сохранения лица в рамках конкретного круга.

Учитывая эти векторы, необходимо соблюдать следующие правила для сохранения лица.

Правило первое: важно при необходимости соблюдения разницы статусов: репертуар вежливости нижестоящих (ученик — учитель, начальник — подчинённый) состоит из вербального смягчения вопросов, просьб и извинений, он не должен касаться круга личной жизни, привычек.

Правило второе имеет отношение к ситуациям, когда между собеседниками существует незначительная разница в статусе, но отношения между ними все-таки формализованы. Это, например, отношения между предпринимателями и их клиентами.

Правило третье касается близких отношений. Здесь вежливость заключается в исключении формализованных стандартов.

Эти правила, особенно третье, свидетельствуют о том, насколько вежливость зависит от того, как оценивают участники коммуникации свои отношения и связанные с этим ожидания.

В реализации категории вежливости участвуют и невербальные средства, которые выполняют различные функции. Они могут поддерживать ситуацию, усиливая эффект вежливости, или заменить языковой компонент общения, например кивком головы и улыбкой как знаком приветствия или подбадривающим взглядом. Невербальные и вербальные знаки могут противоречить друг другу. Например, *schon, dich zu sehen* — рад тебя видеть — можно произнести монотонно и физически дистанцированно, и тогда слушающий вряд ли почувствует радость от встречи. Рассматривая подобные ситуации взаимодействия вербального и невербального в высказываниях, можно сделать вывод, что невербальное несёт в себе реальное содержание.

Фактор культуры также должен приниматься во внимание при интерпретации феномена вежливости, так как в разных культурах она имеет свой общественный статус. Японский лингвист Нагатома [Nagatomo, 1986, с. 14—23] видит значительную разницу в системах вежливости в японском языке, которая основывается на конфуцианских идеях и имеет ярко выраженные иерархические и коллективистские элементы, и в немецком, где в языке вежливости в основном имеет место индивидуальное использование языковых средств выражения вежливости. Обобщенно можно сказать, что в обществах, ориентированных на групповую солидарность, вежливость призвана снять угрозу для *positive face*, в то время как в обществах индивидуалистического типа вежливость направлена на снятие угрозы для *negative face*.

Формулы вежливости служат для того, чтобы избежать возможный конфликт. И чем больше в языке таких формул, тем больше возможностей у говорящего выразить свою просьбу, пожелание таким

образом, чтобы они не ограничивали персональной автономии адресата.

В немецком языке существует достаточно широкий спектр средств смягчения просьбы, вежливого предложения, непрямого призыва, приглашения к действию: модальные частицы, стандартизованные частицы для выражения вежливости, модальные глаголы, специфическое использование залогов и наклонений, а также использование определённых синтаксических конструкций.

Ich darf das vielleicht kurz wiederholen...

Darf ich auch noch eine kleine Zwischenfrage?

Durfte ich bitte vorbei?

Ich hatte gern was gefragt...

Komm mal vorbei.

Bist du so lieb und gibst mir den Wein?

Kann man hier rauchen? Statt Kann ich hier rauchen?

Wie wird das in Ihrer Firma gemacht? Statt Wie machen Sie das in Ihrer Firma?

Kommen Sie morgen früh um 9 Uhr in mein Büro?

Наряду с вербальной вежливостью большую роль в коммуникативном акте играют невербальные средства, с которых начинается собственно контакт: встреча взглядов, приветственные жесты на расстоянии, соответствующая мимика, выбор дистанции между участниками коммуникации. Элементы невербальной коммуникации чрезвычайно важны для начальной фазы диалога.

В качестве коммуникативной категории вежливость является важной составной частью диалога. В структуре диалога естественным образом выделяются начальная, ядерная (основная), в которой развивается тема разговора, и конечная фаза, где используются соответствующие формулы вежливости.

В начальной фазе вежливость помогает устранить или снизить уровень возможного недоверия, настороженности и даже враждебности. Во-вторых, она позволяет прогнозировать возможный ход диалога в конкретной ситуации, с конкретным партнёром. Кроме того, она даёт возможность подчеркнуть готовность партнёров к диалогу. Здесь, как правило, используются формулы приветствия, которые сопровождаются невербальными средствами: жестами, мимикой, взглядами.

В средней стадии участники диалога сосредоточены на содержании темы разговора, и актуализация отношений уходит на задний план. Здесь вступает в действие соблюдение правил *negative* и *positive face*, о которых речь шла выше.

В конечной фазе партнёры закрепляют уровень отношений в основном рядом ритуализованных действий как вербальных, так и невербальных: формулы и жесты прощания, которые оценивают интеракцию положительно и выражают готовность к новым встречам.

Es war schon, sich mit dir zu unterhalten...
Machen wir nächste Woche was zusammen?

Ich glaube, ich muss wirklich los...
Es tut mir leid, aber ich muss fort.

Одним из грамматических феноменов вежливости является местоименное обращение на «ты» или «вы» — «du» или «Sie». В современном немецком языке для использования одного из местоимений важны три критерия:

1. Уровень формальности отношений.
2. Принадлежность к какой-либо общности или социальной группе, в которой через du выражается солидарность, использованием Sie подчеркивается дистанцированность, непринадлежность к ней.
3. Социальный или возрастной ранг партнеров диалога.

Обращение на “Sie” есть знак уважительной формальности среди взрослых. Неформальные отношения, например в семье или среди близких друзей допускают обращение на “du”. Второй критерий характеризует отношения в определённой социальной группе, где речь идёт не о близости отношений, как в семье, а обращение на “du” характеризует солидарность социально-политических отношений, например в спортивных сообществах, во время массовых мероприятий, где люди становятся членами одной команды, и др.

Третий критерий описывает асимметричность отношений. Одностороннее обращение на “du” в общении взрослых есть признак неуважения, пренебрежения.

Вежливость состоит в правильном выборе формулы обращения. Правильна та формула, которая ожидаема партнёром по диалогу согласно описанным выше критериям.

По первому критерию можно выглядеть невежливо, если выбрана форма обращения на “du” без предварительного согласия обеих сторон или переход на “Sie”, если договоренность на “du” была достигнута.

Невежливо обращение на “Sie” по второму критерию в группе, где практикуется формула на “du”.

Признак невежливости в любом случае одностороннее “du”, если оно служит для выражения пренебрежения. В случае сомнения выбора местоимения осторожная формальность в публичных ситуациях более предпочтительна, чем выражение подчеркнутой близости.

В формулах извинения заложено значение стремления к сглаживанию ситуации, примирению, т.е. изменению действий, возникших в определённой коммуникативной ситуации, где происходит оценка действий и осознание ответственности за действия.

Для сглаживания ситуации необходимо взаимодействие обоих партнёров диалога, поскольку извинение должно быть одной стороной принесено, а другой принято. Произнося извинения, участник диалога выражает сожаление, осознание ответственности за поступок и готовность к сохранению лица партнёра по диалогу. Одновременно акт извинения содержит в себе наличие адекватного ответа на извинение, которое в свою очередь свидетельствует о готовности ответить таким образом, чтобы сохранить лицо извиняющегося. Формулы извинения могут быть градуированы по степени интенсивности, например простые как ответ на незначительные непреднамеренные проступки — неосторожность, невнимательность: *Entschuldigung, Verzeihung*. Формулы извинения могут представлять собой фразы в повелительном наклонении: *Entschuldigen Sie bitte!* Или более формализованные *Ich bitte um Entschuldigung. Ich muss mich bei dir entschuldigen*. Более тяжелые проступки требуют более развёрнутого извинения: *Das ist mir jetzt wirklich unangenehm. Das tut mir leid*. Иногда к извинению за неловкость присоединяется объяснение, почему это произошло: *Entschuldigen Sie bitte, dass ich jetzt erst komme. Mein Zug hatte eine halbe Stunde Verspätung*. Принятие извинений можно показать с помощью таких формул, как *bitte, ist schon gut, ist schon vergessen*. Ответы на развёрнутые извинения могут выглядеть следующим образом: *das macht nichts, keine Ursache*. Как одну из форм преобразования, придания ситуации другого толкования можно рассмотреть такую:

Person 1: *Oh entschuldige bitte, ich wollte nicht stören*.

Person 2: *Das macht nichts. Schon, dass du vorbeikommst, ich wollte sowieso gerade eine Pause machen*.

Отсутствие ответа на извинения может рассматриваться как такая же невежливость, как и отсутствие извинительных фраз. Формулы вежливости могут сопровождать вежливую просьбу: *Verzeihung. Würde es Ihnen etwas ausmachen, Ihren Stuhl kurz etwas zur Seite zu rücken?*

Подводя краткий итог, можно еще раз подчеркнуть, что категория вежливости представляет собой важную составляющую коммуникативной ситуации, подробный анализ которой подтверждает тезис о том, что язык — это орудие, а вербальная коммуникация — это один из важных, но не единственный компонент общения. Рассмотренные характеристики и особенности категории вежливости в немецком языке, средства выражения её на разных языковых уровнях, безусловно, представляют собой компонент социокультурной компетенции переводчика.

Список литературы

- Балли Ш.* Язык и жизнь. М., 2003.
- Goffman E.* Das Individuum im öffentlichen Austausch. Frankfurt am Main, 1974.
- Erndl R.* Höflichkeit im Deutschen. Materialien Deutsch als Fremdsprache. 49. Regensburg, 1998.
- Müller K.* Partnerarbeit in Dialogen // Grazer Linguistische Studien. 1979. Bd. 10. S. 183—216.
- Nagatomo M.* Die Leistung der Anrede- und Höflichkeitsformen in den sprachlichen zwischenmenschlichen Beziehungen: Diss. Münster, 1986.
- Neuner G., Hunfeld H.* Methoden des fremdsprachlichen Deutschunterrichts. Berlin; München, 1993.

Л.И. Раздобудько-Чович,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета Косово-Митровского университета, Сербия. E-mail: covicb@mail.ru

**ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ
В РАССКАЗАХ СТЕФАНА МИТРОВА ЛЬУБИШИ
(КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА)**

Как известно, пословицы и фразеологизмы представляют собой сложные, полифункциональные, семантические универсалии. Они связаны с историческими, культурологическими, ареальными особенностями того или иного народа. Их перевод на другой язык — необыкновенно сложная работа. Особую трудность в поисках адекватных стилистических, семантических, эстетических эквивалентов представляют собой трансформированные автором или устаревшие варианты пословиц и поговорок. Именно этой проблеме посвящена данная статья. Автор после тщательного сравнительно-семантического анализа приходит к выводу, что в переводе трансформированных пословиц и поговорок необходимо давать некоторые культурологические пояснения в сносках или в самом тексте, так как в противном случае меняется не только восприятие текста читателем, но и порой искажается смысл оригинала.

Ключевые слова: паремология, пословичные стереотипы, окказиональные пословицы и поговорки, денотативные и коннотативные семы.

L.I. Razdobudko-Čović,

PhD, Professor of the Faculty of Philosophy, Kosovska-Mitrovica State University, Serbia. E-mail: covicb@mail.ru

**Transformed Proverbs and Sayings in the Short Stories by Mitrov Ljubiša
(Culturological Aspect of Translation)**

The article is focused on translation and interpretation of sayings and other idiomatic expressions which are polifunctional semantic units. Sayings are closely connected to history, culture, and geographical position of the speakers of the given language. Interpretation of proverbs is generally a difficult task. The difficulty is in finding equivalent elements in terms of semantics, style, aesthetics and pragmatics; especially when the sayings are transformed in the literary text to serve as dialogues between cultures and between original and translated texts. Proverbs and sayings that have a strong local character, like the ones in “The Narration of Vuk Dojčević” present another level of difficulty. The author comes to the conclusion that the problem is not in finding the Russian proverbial equivalents, but in translating transformed sayings and idiomatic expressions of folklore origin that reflect the linguistic image of this part of the world, and that requires a complex analysis of the sub layer of the text.

Key words: paremiology, proverbial stereotypes, occasional proverbs and sayings, denotative and connotative semes.

Как известно, по Далю, «пословица — коротенькая притча; сама же она говорит, что “голая речь не пословица”. Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица — обиняк, с приложением к

делу, понятый и принятый всеми» [Даль, 1984, с. 13]. Он же определяет и поговорку: «Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы» [там же, с. 14]. Пословица, как правило, выражает суждение, в ней «...зафиксирован многовековой опыт народа» [ЛЭС, 1990, с. 389]. Поговорка, в отличие от пословицы, имеет «только буквальный план и в грамматическом отношении представляет собой законченное предложение» (там же, с. 379). «Языковые афоризмы (пословицы, поговорки, крылатые выражения) имеют синтаксическую форму фразы (“Сам кашу заварил — сам и расхлёбывай” — это пословица)...» [Мокиенко, Фелицина, 1990, с. 5].

Классификаций пословиц и поговорок существует немало. Основные из них следующие: алфавитная, при которой пословицы и поговорки размещаются в алфавитном порядке; лексическая, или энциклопедическая, предлагающая распределение пословиц и поговорок по тем узловым, опорным словам, из которых данное изречение состоит; монографическая классификация, строящаяся на группировке пословиц по месту или времени их собирания или по собирателю, генетическая классификация разделяет материал по признаку происхождения, в частности по языкам и народам; тематическая классификация предполагает распределение пословичных изречений по темам высказывания, т.е. по их содержанию. Обзор вышеназванных классификаций содержится в фундаментальной монографии Г. Пермякова «Основы структурной паремологии» [Пермяков, 1988, с. 11—12], где предложена также структурная классификация пословиц и поговорок. В принципе любая классификация обладает как достоинствами, так и определёнными недостатками, но каждая из них может применяться в зависимости от целей составляемого словаря или проводимого исследования.

В различных типах высказываний пословицы и поговорки функционируют как рычаги эмоционального воздействия на адресата. Оценка ситуации, характеристика личности, квалификация интенсивности или качества действия, обозначение эвфемизированных или табуизированных понятий — таковы общесемантические сферы функционирования пословиц [Быков, 1999, с. 11—28]. Они насквозь антропоморфны, т.е. так или иначе субъективизированы человеческой оценкой соответствующих явлений и фактов. Отсюда — высокая коннотативность большинства пословиц и поговорок.

Интересно отметить, что наряду с исключительной специфичностью паремий, представляющих основной резерв так называемых фоновых знаний, существует мнение, что они, как это ни парадоксально, интернациональны и универсальны [Пермяков, 1988] в близкородственных языках. Хотя с этим мнением вряд ли полностью можно согласиться, так как наряду с универсальностью пословиц

и поговорок существуют и культурологические коннотации, которые нельзя не учитывать, особенно когда это касается индивидуально-авторских преобразований устойчивых словесных комплексов в художественных произведениях. В тексте они выполняют самые различные функции, включая моделирующую, которая дает словесную модель той или иной жизненной ситуации, поучительную, прогностическую (приметы, поверья), магическую (заклинания, заговоры, проклятия) и негативно-коммуникативную, где реализуются шуточные ответы, и т.д.

Окказиональные авторские преобразования расширяют авторский пословичный состав, так как к языковому и окказиональному значению единиц прибавляются дополнительные речевые смыслы, возникающие в линейной цепи. Взаимодействие языкового и речевого ведёт к появлению новых коммуникативно-прагматических смыслов, отражающих авторскую картину мира, исходящих из координат конкретных актов речи, что и является предметом нашего исследования. Материалом для анализа послужили трансформированные пословицы и поговорки из собрания сочинений Стефана Митрова Любиши (Љубиша, 1988, т. 1—3)

Комбинаторика окказиональных пословиц и поговорок в наибольшей степени отражает человеческий фактор в языке, потому что сочетаемость системных и несистемных организаций раскрывает внутренние механизмы приспособления единиц к наиболее чёткому и ясному изложению авторских намерений. Создавая собственную пословицу, С.М. Любиша в наилучшем для себя виде эксплицирует необходимую ему мысль. Коммуникативное значение пословичной семантики определяется её динамическими свойствами, гибкостью самой семантической структуры пословиц и поговорок, влиянием окружения. Анализ семантики, стилистики и синтагматики пословичной окказиональности раскрывает её выразительные свойства: тот эмоционально-экспрессивный вид на мир, который обнаруживает глубинные, часто неожиданные связи явлений. Степень образности авторских преобразований связана с мерой того эмоционального, экспрессивного, оценочного, стилового и стилистического, что заложено механизмом метафоры, с неоднозначностью паремий, состоящей в том, что они могут применяться для характеристики различных ситуаций, с невыводимостью их значения из значений составляющих компонентов, с лексической и синтаксической клишированностью.

Произведениям С.М. Любиши свойственна большая языковая раскрепощённость, эмоциональность повествовательной формы. Общая направленность его произведений находит свое отражение в речетворчестве, наиболее ярко проявляющейся в авторских преобразованиях пословиц, поговорок, фразеологизмов. Из нашего корпуса (свыше 400 пословиц, поговорок и крылатых выражений) большая часть — это трансформированные паремии. Нарративная

форма любизиных произведений является для этих преобразований благодатной почвой.

Для Стефана Митрова Любиши характерны следующие типы индивидуально-авторских преобразований пословиц и поговорок:

- новообразования пословиц, сохраняющие общее языковое пословичное значение;
- неологизмы-пословицы на основе структуры общеязыковой единицы с сохранением или без сохранения пословичного значения;
- создание синонимических и квазисинонимических пословичных блоков, в составе которых имеются трансформированные пословицы и поговорки;
- создание антономических пословичных организаций;
- матричность образования авторских пословиц.

1. Изменяя структуру пословиц, С.М. Любиша стремится разрушить стереотипы восприятия пословиц, обновить микрообраз и создать исторический колорит эпохи средиземной модели мира:

а) заменой компонента или компонентного состава, сохраняя значение пословицы: *При муци триста, по муци ништа* (Код В. Караџића: *У вече триста, (а) у јутру ништа с. 326*) [Любиша, 1985, т. 2, с. 85]; *Ако лисица и мијења длаку, не мијења ћуд!* (Код В. Караџића: *Вук длаку мијења, али ћуди никада с. 40*) [Любиша, т. 1, с. 161].

б) добавлением новых компонентов, что иногда приводит к появлению просторечных коннотаций: *Пак пукло гдје пукло!* (Код В. Караџића: *Куд пукло да пукло*) [Любиша, 1985, т. 2, с. 136]; *Пак узми мужа — узела те узма!* [Любиша, 1985, т. 2, с. 148].

в) заменой общеязыкового компонента диалектизмом или устаревшим словом: *Пизма баби душу губи!* (Код В. Караџића: *Инат баби душу губи!* с. 104) [Любиша, 1988, т. 2, с. 141]; *Па гђе пукне да пукне* (Код В. Караџића: *Куд пукло да пукло*) [Любиша, 1988, т. 1, I/4, с. 126]; *Ћући гвожђе док је вруће* (Код В. Караџића: *Гвожђе се кује док је вруће с. 41*) [Любиша, 1988, т. 1, с. 167]; *Два је пут човјек весео у свом вијеку: једном кад се жени, а другом кад млад обудови!* (Код В. Караџића: *Два пут је чоек у своме вијеку весео: првом кад се ожени, а другом кад жену укопа с. 57*) (с. 105, II|10); *Тежа ми бјаше руга него ли штета!* [Любиша, 1988, т. 2, с. 140].

г) заменой одного из компонентов пословицы словом венецианского происхождения, пытаюсь отразить языковую картину Черногорского приморья, находящегося в то время под влиянием Венеции: *Ближа је кошуља, од кореца* (Код В. Караџића: *Ближа је кошуља него хаљина с. 16*) [Любиша, 1988, т. 2, с. 98].

2. Писатель создаёт пословичные неологизмы на основе структуры общеязыковой пословицы, иногда меняя её пословичное значение, с целью привязать авторскую пословицу к определённой речевой ситуации. Столкновение значений общеязыковой посло-

вицы и авторской приводит к усилению воздействия на читателя: **Једно је ушати, а друго је слушати** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 80]; **Боље вјереница преминула сокола, него ли жена окићена ћука** (Код В. Караџића: *Боља је бобова слама него празне јасли с.21 Бољи је сврчак у руци него соко у планини с. 28*) (с. 183 I|8); **Вечером диња, а јутром тиква** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 163, II|23]; **Тиква пошла, тиква дошла** (Код В. Караџића: *Магарца одведи и на Јерусалим, он ће опет бити магарац с. 173*) [Љубиша 1988, т. 2, с. 80].

3. Синонимические блоки пословиц наполняют высказывание большей информативностью, создают новые смысловые оттенки, обогащают связи слов, увеличивают экспрессивно-стилистические свойства пословиц. Целая «внутренняя картинка» ряда контекстуальных синонимических или квазисинонимических пословиц, представляющего собой иногда гипонимический, а иногда гиперонимический ряд, воспринимается как цветной объёмный короткометражный фильм, так как иногда только с помощью пословиц описывается целая ситуация или событие: **Онаква јој бјаше покојна мати: крушка под крушком, што од шта пало; какви родители на огњишту, таква дјеца на буништу!** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 157]; **Голуб, и он јединац у мајке; сирак без оца... пусто расло, а махнито старало; није матер поштовао, камо ли ће жену.** Није се чудити рашта их несрећа онакве дала, но како их је саставила! **Нашла лопижа заклоп!** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 159]; «...женидбој се опознио као баба за крстима; **минули сјени поље; у стара оца сиротна дјеца!**» [Љубиша, 1988, т. 2, с. 159]; «**Тешко ономе ко чека из села смок! Једно вера, друго господарство. Ми ћемо за прву жртвовати пошљедња војника, а за друго нека се свак узда у се и своје кљусе!**» [Љубиша, 1988, т. 1, с. 181].

4. Создание антонимических пословичных организаций также является одним из способов индивидуально-авторского преобразования пословиц. Антонимический неологизм образуется за счёт появления противоположного значения общеязыковой пословицы: **Кад мачке нема, мишеви коло играју** со значением: «*при отсуствии сильных — слабые своевольничают*». Окказионална пословица **Док се вукови кољу, чобани мирују** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 211] **представляет семантический антонимический неологизм: «охрана, стража (то, что имеет силу) может отдыхать, если противники враждуют между собой».**

5. Характерной особенностью творчества С.М. Любиши является образование матричных серийных пословиц, которые базируются на определённой языковой модели пословицы или поговорки, но заполняются лексически каждый раз иначе. Иными словами, создаются авторские пословичные серии, персонажи которых в восприятии читателя сталкиваются друг с другом, создавая эффект коррелятивности. Возникает обыгрывание пословичного образа на основе системно образованных интегральных сем при взаимо-

действию коррелятивных: **Богу божје а господару господареву** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 137], **Богу божје а дужду дуждево** [Љубиша, 1988, т. 1, с. 102, I/2] по языковой модели — *Богу Божије а цару цареву*; **Тешко ономе ко бјежи од прве среће!** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 103, II|10], **Тешко ономе кога бијени бије!** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 213], **Тешко ономе који не сјеје, ни жње ни приправља...** [Љубиша, 1988, т. 1, с. 171], **Тешко ономе који се узда у лаж и шупљу тикву** (Код В. Караџића: *Тешко оном до смрти ко се у зло упрти!* с. 315) [Љубиша, 1988, т. 1, с. 145], **Тешко ти дому гдје застара кокош ил дјевојче** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 95] по языковой модели **Тешко ономе кога жале; Боље јаворов труп, него ли ружина младика!** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 158], **Боље вјереница преминула сокола, него ли жена окићена ћука** (Љубиша, 1988, т. 2, с. 158) по языковой модели *Боље је сврчак у руци него соко у планини*; **Права ко криво држало** [Љубиша, 1988, т. 1, с. 157] по языковой модели *Прав (је) као уже у врећи*.

Таким образом, для С.М. Любиши характерно торможение речи, прерывность, перебивание её поговорками, пословицами и оговорками, включение пословицы в непосредственную разговорную речь, понижая тем самым статус её языковой незыблемости. Пытаясь сохранить колорит говора паштровичей, С.М. Любиша наибольшее количество трансформаций в пословицах и поговорках осуществил заменой общеязыкового компонента диалектизмом говора паштровичей. Кроме того, одной из стиливых черт использования трансформированных пословиц является снижение стиля, приводящее иногда к созданию оттенка просторечности. Фраза делается характерной для разговорной речи повествователя того времени и для повествовательной формы традиционного нарратива. Особенностью пословичного речетворчества писателя является создание серийных новообразований пословиц. Особый интерес представляют синонимические и квазисинонимические ряды, точнее целые блоки пословиц и поговорок, часто трансформированных, с заключительным аккордом — пословицей, имеющей роль доминантной скрепы рассказа.

На данном этапе работы все выписанные из Полного собрания сочинений С.М. Любиши (Љубиша, 1988) пословицы, поговорки и крылатые выражения переведены мною на русский язык и составлена «Љубишина бисерница». Что касается перевода на русский язык трансформированных пословиц и поговорок, то его анализ представляет собой цель второй части настоящего исследования.

Как известно, эквивалентность перевода достигается прежде всего на прагматическом уровне. Трансформированные пословицы по сравнению с исходными прототипами обычно прагматически релевантны для данного контекста (ситуация общения). Они характеризуются, как уже было отмечено, усиленным прагматическим компонентом и способствуют выражению семантического

богатства, гамме эмоций и оценок преобразующего пословицы субъекта.

Контекстуальная мобильность трансформированных пословиц и поговорок представляет сложность для переводчика, задача которого определить степень семантического осложнения пословицы, так как контекстуальная семантика пословицы становится намного сложнее. Элиминируются денотативные семы, акцентируются прагматические и культурологические. В зависимости от этого должен решаться вопрос о способах передачи преобразованных пословиц переводящим языком. В качестве примера можно привести перевод пословицы **Дошла секира за врат**, имеющая русский эквивалент **Время не ждёт**, в котором отсутствует важная дифференциальная сема сербской пословицы: «наличие опасности». Однако при наличии адекватной пословицы больше подходит пословица этого же семантического поля, но с другими коннотациями, что в данном случае зависит от контекста рассказа: **На охоту иди — собак кормить**.

В коннотативной модальности пословиц и поговорок отражается отношение отправителя коммуникации к получателю, желание воздействовать на него, т.е. их прагматическая цель. Естественно, восстановление на переводящем языке прагматической установки автора оригинала нередко влечёт за собой перестройку сигнификативных значений пословиц, но при этом не затрагивает денотативных. Например: **Болье гладан здрав, него ли сит болан! — Здоровье всего дороже**. При переводе пословиц возникают различные проблемы, как социокультурные, так и языковые. Это, с одной стороны, общекультурная адаптация пословиц к духовному опыту того или иного читателя, а с другой — имитация в процессе перевода исходной оппозиции индивидуального и общего, вариантного и инвариантного.

Кроме того, при анализе были выявлены два момента: в тексте существуют вариантное значение, приспособленное к конкретной ситуации, и инвариантное вместе с вариантным значением, которые как бы дополняют друг друга. К тому же толкование инвариантного значения автор даёт самыми различными способами: иногда в сносках: **Вечером диња, а јутром тиква** — в сноске: *у вече румена као лубеница а у јутру жута као тиква* [Љубиша, 1988, т. 2, с. 163], **Брзорека, зла јој срећа** — в сноске: *каже се дјевојци која много говори или брзо одговори* [Љубиша, 1988, т. 2, с. 155], **Колико је узбрдица, толико је низбрдица!** — в сноске: *колико чојк уходи на више, толико опет снисходи на ниже* [Љубиша, 1988, т. 2, с. 133]; иногда в самом тексте рассказа или повести: **Или лонцем о камен, или каменом о лонац, тешко лонцу** — «и тако оста та ријеч у народу, кад се јачи побие са слабијим» [Љубиша, 1988, т. 2, с. 90] или **С туђа коња насред поља** — «тако свако и дан данашњи говори оному који се по туђем добру шири» [Љубиша, 1988, т. 2, с. 142], **Шалу је Бог оставио** — *тер се ова*

ријеч и данас у народу спонаша [Љубиша, 1988, т. 2, с. 204] и т.д., иногда целый рассказ — это раскрытие «внутренней формы» пословицы: **Да јој треба наше слоге не би никад кише нашло** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 91—92], **Ако немаш злотвора мати ти га родила** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 93—94], **Најтеже је доћи врагу трага** [Љубиша, 1988, т. 2, с. 173—176], а также с помощью синонимических и квазисинонимических рядов пословиц и поговорок: «Прође се зајма и зле среће — реци му ја — **ко старо крпи, конач троши; изједе трава коња! Благо оному ко умије својом памећу и прометом избити новац из камена, да никому не дугује ни робује!**» [Љубиша, 1988, т. 2, с. 84]. Приведённые выше пословицы и способы объяснения их значения являются классическим, хрестоматийным примером интерлингвистического, т.е. внутриязыкового (по Р. Якобсону) перевода.

В пословицах, где проявляется связь с национально-культурными традициями, языковой образ не только семантически значим, но и эстетически ценен, что, конечно, сложно для перевода. Так, например, **Ако смо и једне вјере, нијесмо једне ћуди — Дружба дружбой, а служба службой; Ко се хвата у коло, треба и да игра — Взјался за гуж, не говори. что не дюж; Брза освета, готова срамота — Пспешиишь — людей насмешиишь**. В переводах, к сожалению, отсутствует культурный компонент значения.

Так, в переводе последней пословицы **Брза освета, готова срамота** нет важного имплицитного культурологического компонента: месть для черногорцев — один из самых важных их жизненных ритуалов, особенно когда речь идёт о так называемой *крвној освети*, которая может быть прекращена лишь особым ритуалом, который называется *умир*¹. Образы, в основе которых лежит лексика с на-

¹ **умир** — прекид крвне освете (Умир је, израз који се употребљава само за престанак крвне освете. Крвна освета је обавеза племена из кога потиче убијени, да убије неког од саплеменика убице (односи се само на мушке чланове племена — жене се не убијају) и тако наизменично, из генерације у генерацију, све док се не успостави мир, за који постоји одређена процедура, а састоји се у следећем: Виђени људи неког од суседних, неутралних племена настоје да приволе виђене људе закрвљених племена на умир. Преговори трају веома дуго, некад и кроз генерације, и кад обе закрвљене стране коначно дају пристанак, отпочињу припреме ритуалног дела умира. У племену убијеног се тражи десет виђених људи који ће крстити десеторо «првијенаца» (прворођене мушке, још некрштене деце) из племена убице; затим се тражи по десеторо момака из оба племена који ће се међусобно братимити и онда се утврђује време и место умира; то је обично неки велики празник, а место неки већи, равнији простор или гувно на граници између закрвљених племена (ако се она не граниче, бира се такав простор на територији неутралног племена). У заказани дан, когод може да хода, мушко и женско, долази на место умира и чланови сваког племена стају једни наспрам других на растојању од петнаестак корака; убици (или ономе ко на себе прими кривицу, јер се може десити да је убица већ одавно умро), окачи се око врата пушка крмница — пушка којом је убијен човек («крвница») и он са пушком о врату, четвороношке пузи према старешини племена убијенога; овај га подиже са земље, скида му пушку са врата, љуби га, љуби пушку, и изговара формулу којом опрашта крв убијеног саплеменика; у том тренутку кумови преузимају кумчад, момци се братиме, свештеник све то благосиља; Умир је постигнут и настаје народно весеље).

ционально-культурной семантикой, отражают национальную культуру, так как они часто возникают на основе национально-культурных компонентов значения слова. Нормативные замены в переводе нейтрализуют создаваемые писателем образы, поэтому, по-видимому, пословицу иногда лучше переводить дословно.

Имеются случаи совмещённого вариантного и инвариантного значений пословиц в тексте: когда ситуация, события, происходящие с героями, представляют собой «внутреннюю форму», «картинку», положенную в основу той или иной нравоучительной пословицы: **Да није жена, не би ни људих бивало — Если бы не было женщин, не было бы и людей; А у туђој се невјести не уздај; туђа жена — туђа вечера — На чужую жену не заглядывай. Чужая жена — чужая собственность; Вальана жена вриједи града; на њој је кућа и напредак — Умная жена — города стоит, на ней дом держится; У стара оца сиротна дјеча — У старого отца дети сироты; Није матер поштовао, камо ли ће жену — Если мать не уважал, то и жену не будет.** В этих случаях дословный перевод является хорошим решением, хотя не всегда лёгким.

Несомненно, функциональная сфера употребления пословиц и поговорок — как разговорная, так и художественная, для элементов которой образность и эстетическая функция являются первостепенными.

Таким образом, наблюдения над коммуникативными свойствами данного паремиологического материала показывают, что реальная семантика трансформированных и окказиональных пословиц и поговорок содержит в себе значительно больше признаков, чем в общеязыковом значении. Важными оказываются ассоциативные, культурологические компоненты, без учёта которых некоторые актуальные смыслы оказываются совершенно необъяснимыми. При анализе паремиологического материала необходимо учитывать, что совпадение пословиц может иметь лишь относительный характер, что специфика художественного произведения, разумеется, отражается на точности перевода. Именно поэтому в переводе и должны звучать адекватные средства перевода эквиваленты. Помимо специальных переводческих проблем, появляющихся при попытках адекватного перевода пословиц, возникает ряд проблем социокультурных и языковых, возникает так называемая смысловая оппозиция — диалог культур, родной и чужой, и диалог языков — как противостояние различного духовного опыта. Преодоление этих проблем — основная задача переводчика.

Итак, вполне естественно, что исключительно оригинальный стиль С.М. Любиши с большим количеством трансформированных устойчивых комплексов, использованием архаичных и диалектных слов и выражений вызывает трудности при переводе

на другой язык. Не случайно до сих пор на русский язык переведены лишь (на основании данных *Лексикона писателя Югославии*) *Попъ Андричъ* — *новый Обиличъ*, прев.-? Газета А. Гатцука, 18—26, 1883 и *Канеш Мацедонович*, прев. Е. Покрамович. *Повести и рассказы югославских писателей*. М., 1959. Следует также отметить, что чаще всего переводили *Кањоша Мацедовића*. А первый перевод *Кањоша Мацедовића* на один из словенских языков (чешский) появился в 1879 г. Таким образом, до настоящего времени произведения С.М. Любиши ждут своего переводчика.

Список литературы

- Быков В.* Русские блатные пословицы и поговорки (лингвистические аспекты субстандартной паремии) // Структура и семантика художественного текста. М., 1999.
- Даль В.* Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т. 1, 2. М., 1984.
- Караџић В.С.*, Српске народне пословице. Београд: Нолит, 1969. С. 212.
- Лексикон писателя Югославии. Нови Сад, Матица Српска, 1987. Књ. 3. С. 717.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (ЛЭС).
- Љубиша Ст.М.* Приповијести црногорске и приморске. Сабрана дјела. Критичко издање. Црногорска академија наука и умјетности, НИО «Универзитетска ријеч» Историјски архив, Будва. Т. 1. Титоград, 1988.
- Љубиша Ст.М.* Причања Вука Дојчевића. Сабрана дјела. Критичко издање. Црногорска академија наука и умјетности, НИО «Универзитетска ријеч» Историјски архив, Будва. Т. 2. Титоград, 1988.
- Љубиша Ст.М.* Бој на вису. Преводи. Чланци. Говори. Сабрана дјела. Критичко издање. Црногорска академија наука и умјетности, НИО «Универзитетска ријеч» Историјски архив, Будва. Т. 3. Титоград, 1988.
- Мокиенко В.М., Фелицина В.П.* Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. М., 1990.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.

ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский,

доктор филологических наук, профессор, декан Высшей школы перевода
(факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ В УСЛОВИЯХ ДВУХУРОВНЕВОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

В статье рассматривается вопрос подготовки профессиональных переводчиков в двухуровневой системе высшего образования, предполагающий сочетание методик, разработанных в традиционной для России одноуровневой системе с методиками западных школ. В статье предлагается дидактическая модель подготовки переводчиков в новых условиях образовательной реформы.

Ключевые слова: устный и письменный перевод, обучение переводу, отечественная и западные традиции в обучении переводу, дидактическая модель в двухуровневой системе подготовки переводчиков.

N.K. Garbovskiy,

PhD, Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University

Training Translators and Interpreters in the Two-Level System of Higher Education

The present article examines the issue of training professional translators and interpreters within the two-level system of higher education which implies a combination of the teaching methods, worked out in the traditional Russian one-level system, with those of western institutions of higher education. The author puts forward a didactic model of training translators and interpreters in the realities of the new educational reform.

Key words: translation and interpretation, teaching translation and interpretation, Russian and western traditions of teaching translation and interpretation, didactic model in the two-level system of training translators and interpreters.

Новые условия высшего специального образования, продиктованные вступлением России в общее европейское образовательное пространство, переход к двухуровневой системе, отказ от подготовки «специалистов» по пятилетним программам — всё это ставит перед преподавателями перевода и организаторами учебного процесса немало новых проблем.

Традиции отечественной школы подготовки переводчиков весьма существенно отличаются от западных. Российские вузы, унаследовавшие в основном дидактические принципы советской школы, обучают переводчиков, которые по замыслу должны обладать необходимыми знаниями и умениями для осуществления как

* Статья написана по материалам выступления на Международной научно-практической конференции. Москва—Солоники, 2—5 февраля 2009 г.

письменного, так и устного перевода. Такие специалисты до последнего времени готовились главным образом по пятилетним образовательным программам, предусматривавшим многочасовую подготовку по иностранным языкам на протяжении всего курса обучения с параллельным развитием навыков устного и письменного перевода.

Краткосрочные образовательные программы, получившие большое распространение в российских вузах на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, ориентируются на подготовку «отраслевых переводчиков», владеющих терминологией той или иной отрасли экономики, но не всегда ясно представляющих себе, как знания этой терминологии использовать в реальной переводческой деятельности.

Не следует забывать также и об очевидной размытости представления о переводчике «вообще». Чрезмерное увлечение самых разных неспециализированных учебных заведений обучением «переводу», основанное главным образом на видении переводчика «вообще» без чёткого представления о том, где могли бы найти применение эти «общие» переводческие навыки, привело к парадоксальной ситуации сегодняшнего дня. Парадокс заключается в том, что сотни учебных заведений России выпускают переводчиков, удостоенных разных дипломов и сертификатов. В то же время серьёзные издательства художественной и научной литературы, научно-исследовательские центры, крупные переводческие компании, предприятия и даже ведущие международные организации, такие как ООН, жалуются на катастрофическую нехватку профессиональных переводчиков, как письменных, так и устных.

Возникает вопрос, можно ли в современных условиях подготовить переводчика «вообще», т.е. специалиста, владеющего знаниями и умениями, необходимыми для осуществления профессионального как письменного, так и устного перевода, должного качества, т.е. качества, удовлетворяющего запросы общества. Ведь именно такая модель была положена в основу образовательных программ подготовки переводчиков в отечественной высшей школе.

Подготовка переводчика «вообще» существенно отличается от подхода к обучению переводу, традиционно принятого в наиболее авторитетных школах перевода западных стран и основанного на том, что письменный и устный перевод считаются разными коммуникативными деятельностями. Это разграничение понятий получило закрепление в языках: translation — interpretation (*англ.*), traducción — interpretación (*исп.*), Übersetzung — Dolmetschen (*нем.*), traduction — interprétation (*франц.*). В школах и институтах подготовки переводчиков Парижа и Брюсселя, Женевы и Монтерея,

равно как и во многих других, письменный и устный перевод составляют предметы отдельных образовательных программ.

Вопрос о преимуществах того или иного подхода сегодня оказывается далеко не праздным. Советские, а затем и российские переводчики на международных форумах самого высокого уровня, где ответственность переводчика чрезвычайно высока, считались весьма компетентными как в письменном, так и в устном переводе и не уступали своим западным коллегам. В этом наглядно проявляется эффективность принятой в России и заимствованной в советской школе системы подготовки переводчиков.

Очевидно, что в современной обстановке уже невозможно продолжать обучать переводчиков по сложившейся системе, какой бы эффективной она ни была.

Россия вступает в европейское образовательное пространство, и вузам России, ориентированным на подготовку переводчиков, всё чаще приходится оглядываться на европейских соседей, внимательно прислушиваться к мнению европейских коллег, координировать программы и учебные планы, изменять, иногда существенным образом, структуру образовательного процесса.

Разумеется, самым простым в этих условиях было бы отказаться от всех традиций своей системы подготовки переводчиков и скопировать программы, методики и все другие необходимые атрибуты образования у европейских коллег. Но так ли была плоха традиционная система подготовки?

Представляется весьма своевременным критически взглянуть на систему подготовки переводчиков в России, сравнить её с системой, принятой в Европе, чтобы решить, каким путём предстоит двигаться высшей школе в едином европейском образовательном пространстве, обеспечивая конкурентоспособность своих выпускников на общеевропейском рынке труда.

Дискуссии о том, какой подход более целесообразен, уже не актуальны.

Критический анализ не предполагает отрицания всего положительного опыта, накопленного отечественной школой подготовки переводчиков, и слепого копирования западных моделей.

Инновационный подход к подготовке переводчиков в современных условиях должен заключаться в том, чтобы найти точки соприкосновения традиционной российской системы с западными. Это, возможно, позволит построить эффективную образовательную модель, которая могла бы не только не уменьшить, но и увеличить конкурентоспособность российских переводчиков, обеспечив общество высококачественными переводами в самых различных сферах жизни.

Для построения такой модели следует прежде всего представить себе последовательность подготовки переводчиков в двухуровневой системе высшего образования и попытаться определить степень их компетенций, их профессионализма по завершении каждого из этих уровней — бакалавра и магистра. Затем необходимо определить, насколько условия переводческой деятельности, точнее, условия восприятия исходного сообщения и порождения нового сообщения влияют на саму суть переводческой деятельности, т.е. понять, являются ли устный и письменный перевод вариантами одной деятельности или же разными деятельностями. И, наконец, предстоит чётко осознать, насколько эффективно «отраслевое» деление перевода, предполагающее обучение «юридическому», «экономическому», «медицинскому» или какому-либо ещё переводу.

Вернёмся к первой проблеме, обусловленной переходом от одноуровневой пятилетней модели подготовки переводчиков к двухуровневой. Новая модель предполагает обучение в течение шести лет сначала по программе «бакалавров» (4 года), а затем — «магистров» (2 года).

На первый взгляд изменение модели обучения даёт существенные преимущества студентам: расширяет их образовательную траекторию, предоставляет возможности трудоустройства на более раннем этапе, позволяет продолжать обучение в магистратуре в любом учебном заведении мира, готовом его принять, где они могут сознательно выбрать ту специализацию, которая представляется им наиболее перспективной.

Было бы идеальным видеть выпускника университета с дипломом бакалавра, блестяще владеющего после четырёх лет обучения иностранными языками, в малейших тонкостях знающего родной язык, обладающего общей культурой и глубокими общегуманитарными знаниями. В магистратуре он мог бы приобрести профессиональные навыки переводчика, преподавателя иностранных языков, менеджера международных компаний, журналиста-международника и т.п. Он мог бы также приобщиться к научной работе и по окончании магистратуры получить возможность вести научные исследования, преподавать в высших учебных заведениях, работать в самых престижных компаниях, в международных организациях, в правительствах и т.п. Рисуетя сказочно прекрасная картина широчайшей траектории, возможности применения своих сил, знаний и умений в самом широком спектре общественной жизни. В современных условиях широта траектории профессионального применения выпускника вуза, возможности карьерного роста оказываются главной составляющей образования.

Но эта внешняя, весьма оптимистическая оболочка скрывает целый ряд противоречий. Первое, самое существенное, заключается

в том, что нижняя ступень обучения, завершающаяся получением диплома бакалавра, вовсе не предполагает *обязательного* перехода на следующую ступень для получения диплома магистра. Для многих студентов обучение закончится на уровне бакалавра. Для них не будет ни сознательного выбора наиболее перспективной специализации, ни приобщения к научной работе, ни возможности преподавания в элитных высших учебных заведениях, ни возможности работать в престижных компаниях, в международных и правительственных организациях и т.п.

Выпускник университета с дипломом бакалавра широкого лингвистического профиля, даже имея хорошие знания языков, столкнётся с проблемой отсутствия профессионализации, т.е. профессиональных компетенций.

Не секрет, что в традиционной для российского образования системе образования специализация начиналась уже на ранних этапах обучения, соответствующих современному уровню подготовки бакалавров. Четкая направленность на подготовку переводчиков или учителей (преподавателей) иностранных языков позволяла построить оптимально адаптированные к специальности учебные программы, включавшие при строго определённом объёме часов те дисциплины, которые наиболее соответствовали специальности. Такое построение модели обучения давало возможность выпускникам практически сразу адаптироваться к профессиональной среде. Труднее всего приходилось тем, кто в поисках широкой траектории применения своих сил и будучи подготовленным как переводчик оказывался в роли преподавателя или, наоборот, когда выпускник вуза, обученный преподавателем, должен профессионально переводить.

Здесь необходимо сделать отступление, потому что *переводить* и *переводить профессионально* — суть разные вещи. Многие преподаватели иностранных языков так или иначе переводят. Они переводят отдельные абзацы или даже страницы письменных текстов, когда их об этом просят коллеги с других кафедр. Они способны *помочь* на переговорах, худо-бедно обеспечить межъязыковую коммуникацию за столом и в некоторых других ситуациях общения. Постоянно занимаясь *переводческим промыслом*, некоторые преподаватели интуитивно вместе с опытом приобретают необходимые умения для осуществления профессионального перевода и ничем не уступают профессиональным переводчикам. Но это — счастливый удел одарённых людей.

Иной случай — *спорадические* переводы сомнительного качества, убеждающие, однако, некоторых преподавателей в том, что **переводить может каждый, знающий иностранный язык**. В этом, кстати, кроется причина самоуверенности многих кафедр иностранных

языков, взявшихся за подготовку переводчиков в вузах, где иностранный язык лишь имеет статус общеобразовательной или общегуманитарной (но не профессиональной!) дисциплины.

Обратные случаи также возможны, хотя и менее часты. Иногда переводчики приходят к преподаванию и начинают обучать иностранным языкам. В силу своей профессиональной ориентации они нередко преподают иностранные языки «через перевод и для перевода». По мере приобретения педагогического опыта некоторые из них становятся маститыми преподавателями. Как и в первом случае — это счастливый удел одарённых людей.

Но образовательные модели и программы не строятся исключительно под одарённых людей. Множество молодых людей столкнутся в послевузовской жизни с необходимостью профессиональной адаптации, которая может растянуться на довольно продолжительный период. Разумеется, современные требования к образованию, дающему выпускникам, по замыслу, более широкие перспективы, продиктованы условиями свободного рынка труда. Молодой человек с дипломом бакалавра широкого лингвистического профиля сможет попробовать себя и в переводе, и в преподавании, и в журналистике, и в управлении и т.п. Но отсутствие профессиональных навыков и необходимость более или менее длительной адаптации к условиям конкретной профессиональной деятельности замедлят его карьерный рост и окажутся экономически невыгодными ни для самого специалиста, ни для принявшей его организации или компании.

Более рациональным представляется путь «профилизации» программ подготовки бакалавров, предполагающих специализацию обучаемых по избранному профилю, а возможно, в зависимости от способностей, и по нескольким смежным профилям.

Такая «профилизация» первой ступени высшего образования позволит будущим бакалаврам получить первичные навыки, необходимые для более быстрого вхождения в профессию. На этапе подготовки бакалавров прежде всего следует опираться на опыт отечественной школы подготовки переводчиков, которая исходила из того, что перевод — это особая коммуникативная деятельность, реализующаяся в двух формах — письменной и устной. Письменная и устная формы коммуникации, реализуясь в разных условиях, строятся на одних и тех же законах, определяющих речевую деятельность в целом. Логика взгляда на перевод как на коммуникативную деятельность подсказывает, что устный перевод столь же отличен от письменного, как устная языковая коммуникация от письменной, ведь и в том и в другом случае в основе их различия лежат условия восприятия и порождения речи. Но условия осу-

щества деятельности, насколько бы сильно они ни влияли на неё, не определяют её сущность.

Поэтому в рамках программы подготовки бакалавров, ориентированной на перевод, наиболее целесообразным представляется развитие у обучаемых навыков «общей методологии перевода», показ основных путей выхода из сложных переводческих ситуаций, обусловленных асимметрией языковых, культурных, исторических, социальных и иных явлений, актуализирующихся в процессе перевода. Деления обучаемых на устных и письменных переводчиков на этом этапе ещё не происходит. Все получают первичные навыки переводческой интерпретации как в письменном, так и устном переводе. Студенты овладевают основами научного и художественного перевода, знакомятся с основными элементами системы записи в последовательном устном переводе, пробуют свои силы в кабинах синхронного перевода. Таким образом, осуществляется инициация в профессию переводчика. Но основное внимание на этом этапе уделяется формированию личности, накоплению багажа культурных знаний, совершенствованию знаний и компетенций как иностранных языков, так и родного.

Более глубокая специализация может осуществляться в рамках магистерских программ. На этом этапе происходит чёткое деление переводчиков на устных и письменных, а среди письменных — на переводчиков художественной и научной литературы. «Профилизация» бакалаврских программ поможет молодым людям сделать сознательный выбор между разными магистерскими программами.

При разработке магистерских программ и в обучении магистров-переводчиков окажется весьма полезным опыт западных переводческих школ, уже давно практикующих деление переводчиков на письменных и устных.

Но профессионально ориентированные магистерские программы должны быть дополнены программами научно-исследовательскими в области истории и теории перевода, переводческой критики и дидактики, готовящими молодых людей к исследовательской работе.

Спектр магистерских переводческих программ вряд ли целесообразно расширять за счет введения более частных, «отраслевых», аспектов переводческой деятельности, как, например, «юридический», «экономический», «медицинский» перевод, «бизнес-перевод» или какой-либо ещё. Это частное дробление переводческой деятельности на сферы, основанное главным образом на специфике терминологии, может найти отражение в учебных курсах, но не составить предмет отдельной образовательной программы. Строгая

привязанность к конкретной сфере использования переводческих услуг может существенно сузить образовательную траекторию магистра.

Таким образом, переход на новую систему подготовки переводчиков ставит немало вопросов перед преподавателями и организаторами учебного процесса. Решение этих вопросов должно опираться не только на «веяния из-за рубежа», требования «рынка образовательных услуг», но и на собственный опыт классического высшего образования, предполагавшего формирование разносторонне образованной и профессионально состоятельной личности.

Lynn Visson,

Simultaneous interpreter from Russian and French into English at the United Nations, PhD

THE PROBLEM OF TEACHING SIMULTANEOUS INTERPRETATION FROM A NATIVE INTO A FOREIGN LANGUAGE

While in Russia and particularly in the USSR there was a definite preference for interpretation from native into foreign, in the United Nations and several other international organizations the preference is for interpretation into native language. Today's global commercial markets, however, generally require interpretation in both directions. Making use of her experience teaching interpretation at the UN, the Monterey Institute of International Studies and Columbia University, the author discusses problems facing Russian students working into English. The stress of the booth can lead to incorrect grammar, misuse of articles and verb tenses, and wrong choice of register. Exercises are proposed for such students, and stress is placed on the importance of immersion in the foreign linguistic environment through study programs and exchanges.

Key words: simultaneous interpretation, native language, foreign language, Russian, English, UN, stress of the booth, exercises, foreign linguistic culture, study programs.

The theoretical problems involved in the thorny task of teaching simultaneous interpretation from a native into a foreign language have been discussed, analyzed, and moaned and groaned over by generations of teachers on both sides of the ocean. And though these debates are likely to continue for decades to come, this is of little help to those of us who must daily interact with students struggling to put into the fluid, grammatical prose of a foreign language a text written or spoken in their native language. The practical aspects of teaching interpretation into a non-native language have been relatively neglected by interpreter/pedagogues faced with this problem.

It is well known that in Russia, and in particular in Soviet Russia, the dominant thinking was that it was better to interpret from native into foreign, for the simple reason that by definition the interpreter understands everything being said in his native language. No one would argue regarding comprehension of the native language, but this by no means guarantees that the interpreter is able to process this material and to produce a grammatically, lexically and stylistically correct interpretation in a foreign language. In the Soviet Union, the argument was based on reality as much as on theory; the dearth of native speakers of foreign languages left

Линн Виссон,

синхронный переводчик с русского и французского на английский
в ООН, доктор философии

О СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ НА ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

В России (и особенно в СССР) предпочтение отдавалось и до сих пор отдаётся устному переводу с родного языка на иностранный, тогда как в ООН и ряде других международных организаций наблюдается обратная ситуация. Однако сегодня на переводческом рынке в основном требуются специалисты, умеющие работать в обе стороны. Опираясь на свой опыт преподавания устного перевода в ООН, Монтерейском институте международных исследований и Колумбийском университете, автор рассматривает проблемы, с которыми сталкиваются русские студенты при переводе на английский. Находясь в кабине, обучаемые под воздействием стресса начинают допускать в своём переводе грамматические и стилистические ошибки, неправильно используют артикли и глагольные времена. Для таких студентов в статье предлагается специальный комплекс упражнений. Особое внимание автор обращает на необходимость погружения в иноязычную среду в рамках образовательных программ и программ международного студенческого обмена.

Ключевые слова: синхронный перевод, родной язык, иностранный язык, русский язык, английский язык, ООН, стресс, упражнения, иноязычная среда, образовательные программы.

Теоретические проблемы, связанные с такой необычайно сложной задачей, как преподавание синхронного перевода с родного языка на иностранный, обсуждали, анализировали и проклинали многие поколения преподавателей разных континентов. И хотя их споры скорее всего будут ещё продолжаться на протяжении многих десятилетий, это вряд ли очень поможет тому, кто вынужден каждый день иметь дело со студентами, изо всех сил старающимися точно и грамматически правильно воспроизвести на иностранном языке текст, написанный или произнесённый на их родном языке. К сожалению, сами педагоги, сталкивающиеся с этой проблемой, уделяли и уделяют практическим аспектам своей работы довольно мало внимания.

Широко известно, что в России, особенно в Советском Союзе, считалось, что устному переводчику лучше всего переводить с родного языка на иностранный по той простой причине, что он понимает всё сказанное на родном языке. Но владение родной речью никак не гарантирует, что переводчик может переработать свой рабочий материал так, чтобы представить его на иностранном языке грамматически, стилистически и лексически в правильном виде. Недопонимание этого давало о себе знать не только в СССР, но и во многих западных странах до и после Второй мировой войны, когда даже во время переговоров на высшем уровне о разоружении устные переводчики перерабатывали языки «своей стороны» на язык

Russian interpreters with no choice except to interpret both ways, into native and into foreign. This was also the practice in many Western states, in which at negotiations at the highest level — e.g. disarmament negotiations — the interpreter worked from the language of “his” side into the language of the “other” side.

At the United Nations, however, and at many conferences worldwide, the preference was, and still is, for interpretation into the native language. Still today, interpretation into English, French, Spanish and Russian is provided by native speakers of these languages, and it is only for Chinese and Arabic — the so-called “exotic” languages — that interpretation in the booth is two-way, into Chinese and Arabic from English/French and into English/French from these languages. For even though the interpreter certainly understands everything said in his native language, under the pressure of the booth correct stress, grammar, choice of lexical units, style, register and intonation may quickly break down. (It is well known to all professionals, moreover, that bilinguals do not necessarily make good interpreters. Somewhat like Goldilocks in the children’s story, “when they are good they are very, very good, and when they are bad they are horrid,” — i.e., completely unable to code switch. Russia has in fact produced some extraordinary bilingual interpreters such as Viktor Sukhodrev, or the late Boris Belitsky and Oleg Troyanovsky. The talents of these extraordinary individuals, however, are by no means shared by each and every bilingual. The issue of bilingualism in interpretation, however is a separate question).

As far as the listener is concerned, he could care less that the interpreter understands everything! He is interested solely in what he is hearing, i.e. is what he is “being fed,” and whether that is easily comprehensible and correct English, French, or whatever other language he may be hearing.

Aside from the organizations of the United Nations system and some other international organizations and various conferences and congresses, however, today’s market — and in particular the private market — is increasingly demanding that interpreters work in both directions, into and out of their working language. So while theory is all well and good, teachers of interpretation, regardless of where their schools are located, must face the realities and demands of today’s world and prepare their students to work both ways.

All of my personal experience in teaching interpretation, in training courses at the United Nations, the Graduate School of Translation and Interpretation of the Monterey Institute of International Studies, Columbia University in New York and at the Marshall Center in Garmisch-

«чужой стороны». Больше всего сложностей при переводе на иностранный язык было, конечно, в Советском Союзе, где из-за недостатка носителей иностранных языков устным переводчикам неминуемо приходилось переводить и с иностранного, и с родного языка.

Как в ООН, так и во многих других международных организациях предпочтение на конференциях отдавалось и до сих пор отдаётся устному переводу на родной язык. В настоящее время устный перевод на английский, французский, испанский и русский осуществляется носителями этих языков, а работа с так называемыми «экзотическими» языками — китайским и арабским организуется по другому принципу. Она ведётся в двух направлениях: на китайский или арабский — с английского или французского, а с китайского или арабского — на английский или французский.

Понятно, что переводчики-«экзотики» практически вынуждены действовать как билингвы, но это не избавляет их от проблем, с которыми сталкиваются их коллеги при работе с другими иностранными языками. Во-первых, как бы хорошо переводчик ни понимал всё сказанное на родном языке, в условиях повышенной нагрузки ударение, грамматика, выбор лексических единиц, стиль, регистр и интонация подчас оказываются неправильными. Во-вторых, всем профессионалам прекрасно известно, что билингвы не всегда становятся хорошими устными переводчиками. Следуя логике детской сказки о Златовласке, «если они [переводчики] хорошие, то они очень, очень хорошие, а если они плохие, то они просто ужасны», т.е. совершенно не способны переключаться. Разумеется, нет правил без исключения. Россия, например, дала миру нескольких выдающихся переводчиков-билингвов, таких как Виктор Суходрев, Борис Белицкий и Олег Трояновский, но их таланты — довольно редкое явление.

Что касается слушателя, то его совершенно не волнует то, что переводчик всё понимает. Ему интересно только то, что он слышит, т.е. то, чем его «кормят». Иначе говоря, он хочет чтобы речь на английском, французском или любом другом языке была легко понимаемой и правильной.

Но как быть преподавателю сегодня, когда за пределами ООН и других международных организаций при устройстве различных конференций и конгрессов на современном рынке все больше требуется от устных переводчиков работа в обоих направлениях — с иностранного языка и на иностранный? Думаю, что преподаватели синхрона, независимо от того, какой теории они придерживаются о преимущественном языке для перевода и где расположены их школы, должны действовать в соответствии с потребностями нашего времени и готовить студентов для работы в обоих направлениях.

Весь мой личный опыт преподавания устного перевода на курсах Организации Объединённых Наций, в Школе перевода при Институте международных исследований в Монтерее, в Колумбийском университете Нью-Йорка и в Центре имени Джорджа

Partenkirchen, Germany, has served to convince me of the tremendous difficulties encountered by interpreters working from native into foreign languages, and of the problems this poses for their teachers. The situation is somewhat similar to teaching people used to driving on the right side of the road to drive on the left, or to teaching right-handed people to write letters holding a pen in the left hand. Theoretically, one is performing the same action. In fact, all the road signals, stage cues and rules of the game are different. All too often, an interpreter who when working into his native language can cope extremely well with the difficulties of a speaker's high-speed delivery, difficult accent, twisted syntax and incorrect grammar begins to stumble seriously when he is obliged to work into a foreign language. We have all had our share of listening to "Esteemed Mrs. President" or "In the name of my country and my peoples," or of «дорогой директор» or «во имени моих народов». The pressure of the booth can quickly break down the linguistic instincts, intuitions and learned habits of even an excellent interpreter, once he is forced to work "against the grain" (против шерсти).

Russian-language interpreters working into English are immediately faced with a basic dilemma: are they using "British" or "American" English? True, 99% of the time Albion and America understand each other with little or no difficulty, but the interpreter must be consistent. If he chooses to say "lift" instead of elevator, well and good, but then he must be sure to say "flat" and not apartment, and "cross the road" rather than "cross the street."

The teacher working with a Russian speaker interpreting into English sometimes feels that there are so many vital issues, such as complex vocabulary (disarmament, economics, the environment, etc.), idiom, proper register and intonation, etc., that he can blithely ignore such mundane irritants as misuse of the article. Sins of commission and omission, however, i.e. omitting the article where it is required, or inserting it where it does not belong, or using a definite instead of an indefinite article will immediately cause the English-speaking listener to lose confidence in the interpreter. If the interpreter is not made aware of the importance of the correct use of articles at a very early stage of his career, the most brilliant lexical and syntactic pyrotechnics will not help him build a reputation as a solid interpreter.

Equally difficult for native speakers of Russian is the English system of compound tenses. It is not enough to indicate that an action is taking place in the past, present or future. The Russian verb system does not automatically suggest the correct form to the interpreter; the work of producing such compound tenses as "we shall have been talking for

Маршалла в Гармиш-Партенкирхене (Германия) показывает, какие именно трудности испытывают переводчики при переводе с родного языка на иностранный и как может преподаватель помочь им в тех или иных случаях. Увы, его ситуация несколько напоминает мне попытки научить людей, привыкших к правостороннему движению, ездить слева, или научить правой рукой писать левой рукой: теоретически в обоих случаях водитель и правша совершают по существу одну и ту же перестройку, но на практике дорожные знаки, сигналы или координаты при операциях разными руками неодинаковы. При переводе на родной язык опытный синхронист, как правило, хорошо справляется с высоким темпом речи говорящего, со сложным акцентом, запутанным синтаксисом и неправильным употреблением грамматических форм, но начинает делать серьёзные ошибки при переводе на иностранный язык. Все мы сполна наслушались высокопарных и неверных в обоих языках фраз вроде “Esteemed Mrs. President”, “In the name of my country and my peoples”, а в переводах на русский — «дорогой директор» или «во имени моих народов». Это — плоды повышенного напряжения, которое часто и быстро ослабляет лингвистическое чутьё, интуицию и отработанные навыки даже у великолепных переводчиков, когда они вынуждены работать «против шерсти».

Особая проблема встаёт перед русскоязычным переводчиком, работающим с английским: использует ли он «британский» или «американский» вариант? Да, в 99% случаев Туманный Альбион и Америка понимают друг друга более или менее без проблем, но переводчик должен быть последовательным. Если он использует британское слово “lift”, а не “elevator”, то значит далее он должен говорить “flat”, а не “apartment” и “cross the road”, а не “cross the street”.

Преподаватель, работающий с носителями русского языка, переводящими на английский, сталкивается со многими трудностями из-за сложной лексики (разоружение, экономика, окружающая среда и т.д.), не говоря уже об идиомах, правильном регистре и интонации. В частности, необычайно стойкой ошибкой является употребление артикля. Однако нарушение правил и упущение артикля там, где он должен быть, и его использование там, где он не нужен, или же подстановка определённого артикля на место неопределённого сразу же выявляются англоговорящими слушателями — они теряют доверие к переводчику. Если студенту-синхронисту в самом начале обучения не дать понять важность правильного использования артиклей, то даже самые блестящие знания лексики и синтаксиса не позволят ему приобрести хорошую репутацию.

Такую же сложность для носителей русского языка представляет английская система сложных времён. Например, достаточно ли при переводе просто показать, что действие совершается в прошлом, настоящем или будущем? Нет, русская система глаголов не даёт переводчику прямых указаний на нужную форму времени. Устному переводчику приходится самостоятельно принимать ре-

twenty minute now” or “If I had known, I would not have come” falls to the interpreter. The constant use of simple tenses, “We do,” “he stated” rather than “we have been doing” or “he has stated” can lead to confusion as to the sequence of events or as to completion of action, and will also make the English-speaking listener quickly lose confidence in the interpreter.

Nor can the teacher of R-E interpretation fail to ignore the vital importance of prepositions. There are enormous differences in meaning between the expressions “to keep to/keep in/keep out/keep up/keep at,” etc. The wrong choice of preposition produces an effect on the listener similar to that produced by an interpreter into Russian who opts for the wrong case (падежное окончание) ending.

Syntax poses yet another headache, for the Russian тема-рема construction produced sentences with a word order that is often precisely the opposite of that commonly found in English sentences. Participial constructions which pop up in a sentence far ahead of the subject help to add to the verbal confusion: «принятая сегодня к великому удовольствию всех присутствующих во втором зале делегаций резолюция» requires verbal gymnastics to produce a proper English sentence. So, too, sentences beginning with a verbal construct in an oblique case, e.g. в нашем парламенте эта проблема давно обсуждается, в этом документе много полезных предложений are often best translated as nominative constructions, e.g. «our parliament has been discussing this issue for a long time...» «this document contains many useful proposals.» Impersonal constructions with надо and нужно, or verbs such as хочется, читается, белеет, чернеет also cause problems for the Russian interpreter working into English.

On a more general level, the non-native speaker is constantly faced with issues of style and register. Out of a desire to prove how well he has mastered the language, the Russian speaker all too often may opt for the extremes: an excessively formal or a gratingly informal level of discourse. “Esteemed and respected colleagues” alternates with “Are you guys gonna want a lunch break now?” It should be repeatedly emphasized to students that excessive use of colloquialisms and substandard forms does not prove mastery of a language, but rather an inability to cope with the norms of style and register. “Keep it simple” is good advice for the novice interpreter forced to work into a non-native language. Slang and buzzwords should be kept to a minimum; we have all heard Americans trying to «be Russian» by inserting «прикольно» or «клёво» into every other sentence.

шение об использовании таких сложных форм, как “we shall have been talking for twenty minutes now” или “If I had known, I would not have come”. Постоянное использование простых временных форм “We do”, “he stated” вместо “we have been doing” или “he has stated” нередко приводит к неправильному обозначению последовательности событий или создаёт неправильное представление о законченности действия. А ведь из-за этих неточностей англоговорящий слушатель может поставить под вопрос весь перевод.

Очень трудно преподавателю устного перевода научить русского синхрониста правильному употреблению предлогов, имеющих в английской речи очень широкое хождение. Значения фразовых глаголов “to keep to/keep in/keep out/keep up/keep at” очень сильно различаются. А неправильный выбор предлога для слушателя — это как искажение падежного окончания при переводе на русский.

Синтаксис также представляет собой большую проблему. Порядок слов при построении темарематических конструкций в русском языке коренным образом отличается от порядка слов в английском языке. Причастные обороты в начале предложения легко могут привести в замешательство: «принятая сегодня к великому удовольствию всех присутствующих во втором зале делегаций резолюция». Чтобы перевести эту фразу правильным английским предложением, требуется целая цепочка сложных логических и синтаксических перестроек.

Это же касается и предложений, начинающихся конструкциями с существительными в косвенном падеже, таких как «в нашем парламенте эта проблема давно обсуждается»; «в этом документе много полезных предложений». Часто они трансформируются в абсолютные конструкции: “our parliament has been discussing this issue for a long time...”; “this document contains many useful proposals”. Неменьшую сложность представляют также безличные конструкции со словами «надо», «нужно» или такими глаголами, как «хочется», «читается», «белеет», «чернеет».

Человек, не являющийся носителем языка, постоянно сталкивается с проблемами стиля и регистра. Стремясь продемонстрировать великолепное знание иностранного языка, некоторые люди иногда прибегают к крайностям — используют слишком формальные выражения или вызывающую раздражение неформальную лексику. “Esteemed and respected colleagues” чередуется с “Are you guys gonna want a lunch break now?” Необходимо постоянно напоминать студентам, что излишнее употребление разговорных и не соответствующих языковой норме выражений свидетельствует не о великолепном знании языка, а скорее о подражании сленгу или о неспособности соблюдать нормы стиля и регистра. Все мы слышали, как американцы, пытаясь «быть как русские», в каждое предложение вставляют «прикольно» или «клёво». Прибегать к использованию сленга и различных модных словечек на чужом языке нужно осторожно и как можно реже. Быть проще — хороший совет начинающему переводчику, переводящему на неродной язык.

The question here is not кто виноват, but rather что делать? A few suggestions:

1) Students should be given lists of American and British idioms, and the rules for American and British spelling, and should be encouraged to keep the two systems separate in their minds. Tapes should be given of speakers from both sides of the ocean, to accustom the student interpreters to accent and idiom.

2) There should be extensive work with texts and tapes illustrating a variety of styles, ranging from formal political statements to informal speeches, magazine articles, dialogues and conversation. Exercises should be given regarding the proper use of synonyms, e.g. "proper" from a stylistic point of view. For example, the verb in the sentence «Эта война стоила жизнь миллионам людей» can be rendered using a wide range of verbs such as "killed, massacred/slaughtered/ destroyed/terminated/ended the lives of/ wiped out/did in," etc. The major question here is one of style and register.

3) From Day One, students should be encouraged to record themselves, and to focus intensively on the problems discussed above. For any tape or text, the student should first record his interpretation, trying to cover all of the major issues of vocabulary, grammar, syntax, style, register and delivery. He should then record a second interpretation, focusing on one issue, e.g. the article, or verb tenses. Then a third round, concentrating on syntax or on delivery. Only after having done repeated recordings, each of which focus on one particular issue, should the student then attempt to put everything together into one smooth interpretation.

Students of interpretation also need encouragement! This may seem obvious, but there are so many ways for a student to "go wrong" when interpreting into a foreign language, that compliments for good work and continued encouragement are vital to avoid having the student падать духом. And, of course, the more native speakers of Russian can work with native speakers of their working languages, and the more exposure they can have to the linguistic environment of those languages, the better the results. Both teachers, students, and above all the future listeners of those students will stand to benefit from cooperation through international study programs and exchanges of faculty and students.

Как в учебном курсе по любой науке, так и в обучении синхронному переводу нет правил на все случаи жизни. В каждом из них преподавателю часто приходится самому решать, что делать. Поэтому *мне хотелось бы* дать несколько советов, которые относятся к чаще всего встречающимся ситуациям.

1. Очень полезно выдавать студентам списки американских и британских идиом, а также правила американского и британского правописания. Следует чётко разделять эти две разновидности одного языка. В процессе преподавания можно и нужно использовать записи речей как британских, так и американских ораторов, чтобы студент привык к различным манерам произношения и акцентам.

2. Тексты и записи, наглядно демонстрирующие различные стили — от формальных политических заявлений до неформальных бесед, журнальных статей, диалогов и речевого общения, — требуют специальной и скрупулезной работы. Здесь нужно давать упражнения на правильное использование синонимов, особенно тех, которые выявляют стилистические различия в иностранной речи. Например, глагол в предложении «Эта война стоила жизни миллионам людей» может переводиться различными способами: “killed / massacred / slaughtered / destroyed / terminated / ended the lives of / wiped out / did in” и т.д. Главное в данном случае — это вопрос стиля и регистра.

3. С первого дня обучения студентам очень полезно записывать себя на диктофон и уделять большее внимание проблемам, о которых здесь уже шла речь. При работе с магнитофоном целесообразно записать свой первый перевод, уделив внимание всем основным *аспектам*: лексике, грамматике, синтаксису, стилю, регистру и подаче материала. Затем нужно записать второй перевод, концентрируясь лишь на одном вопросе, например на использовании артикля или глагольных времён. Затем — третий перевод, при котором уделяется внимание синтаксису или подаче материала. Только после нескольких записей, в каждой из которых особое внимание студент уделяет только одному из аспектов своего перевода, он может рассчитывать на получение оптимального варианта — гладкого и правильного перевода.

Наконец, студентов-синхронистов надо обязательно поощрять. Это может показаться очевидным, но при переводе на иностранный язык возникает очень много подводных камней, влекущих за собой ошибки и фрустрации. Похвала за хорошо выполненную работу и постоянное поощрение жизненно необходимы, для того чтобы студент не пал духом. И, конечно же, чем больше русскоязычный переводчик работает с носителями иностранных языков и чем чаще соприкасается с их лингвистической средой, тем более результативной оказывается его работа. Поэтому не стоит забывать, что и уже состоявшимся, и завтрашним специалистам будут полезны и интересны образовательные программы, предназначенные для обменов между студентами и преподавателями из разных стран.

М.Д. Ольвера-Лобо,

кандидат филологических наук, доцент факультета переводчиков Гранадского ун-та. E-mail: molvera@ugr.es

Э.Ф. Керо-Хервилья,

кандидат филологических наук, доцент факультета переводчиков Гранадского ун-та, преподаватель научного и общего перевода с русского на испанский. E-mail: efquero@ugr.ru

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОДЕЛИ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ
ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ В ПРАКТИКУ ПРЕПОДАВАНИЯ
ПЕРЕВОДА В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ
БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ***

Новые информационные и коммуникационные технологии не только изменили условия труда во многих профессиях, в том числе и в переводческой деятельности, но также предъявляют новые требования и предоставляют новые возможности в области преподавания. Это обстоятельство стало исходным пунктом инновационного учебного проекта, под названием **Aula.int**. Его цель — дополнить преподавание некоторых предметов по специальности «Письменный и устный перевод» межпредметными связями. Другими словами, соединить в отдельных предметах последовательность работ, при которых каждый студент является частью отдельной группы, изучающей различные предметы, и в которой каждый участник выполняет задание, непосредственно связанное с избранным им предметом, и в то же время выполняет действия, необходимые для группы в целом. Таким образом, проект приближен к целям Болонской декларации, поскольку он предусматривает обучение, направленное на специальность, нацелен на студента и объём его работы, а также содействует пониманию целей обучения всеми участниками. С другой стороны, он способствует сближению реальных способов производства с аудиторией и помогает усваивать реальную повседневную работу, что впоследствии даст определённые преимущества при выходе на рынок труда.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии, методика преподавания перевода, профессиональный перевод, рынок труда.

Maria Dolores Olvera-Lobo,

Professor, Ph. D. In documentation; Professor at the Faculty of Translation and Interpreting of the Granada University. E-mail: molvera@ugr.es

Enrique Quero-Gervilla,

Professor, Ph. D. Slavonic Filology; Professor at the Faculty of Translation and Interpreting of the Granada University. E-mail: efquero@ugr.es

* В подготовке статьи принимали участие: Olvera-Lobo, Maria Dolores; Quero-Gervilla, Enrique; Robinson, Bryan; Senso-Ruiz, Jose Antonio; Castro-Pieto, María Rosa; Miño-Martín, Ricardo; Muñoz-Raya, Eva; Murillo-Melero, Miguel. molvera@ugr.es, efquero@ugr.es. Гранадский университет, Испания.

The Representation of Remote Work Model for Introduction into the Practical Teaching the Translation in Accordance with the Requirements of Bologna Declaration

Information and communication technology has not only modified the working conditions of many professions — and translation has by no means gone unaffected — but it has also introduced new challenges and opportunities into teaching. This has been the starting point for an innovative teaching project that we have called **Aula.int** and which has been financed by the University of Granada (Spain) Vice-Rectorate for Planning, Evaluation and Quality. Our objective has been to complement formal teaching input in a range of subjects within the University's first degree program in Translation and Interpreting with a student-centred cross-curricular approach. Specifically, we have integrated into compartmentalised course modules a sequence of tasks for which students studying on different courses form teams and perform tasks directly related to the course they are following that simultaneously fulfil an essential function in the overall team task. Thus, the project approaches the objectives of the Bologna Declaration in as much as it offers profession-oriented teaching, is student-centred, focusses on the volume of work required, and promotes participants' understanding of learning objectives. Moreover, **Aula.int** contributes by bringing real modes of production into the classroom and by supporting the internalization of real work routines that later gives students a competitive advantage when entering the labour market.

Key words: information and communication technology, teaching, professional translation, labour market.

Новые информационные и коммуникационные технологии не только изменили условия труда во многих профессиях, в том числе и в переводческой деятельности, но также предъявляют новые требования и предоставляют новые возможности в области преподавания.

Прогрессивное внедрение новых технологий в учебный процесс [Archer, 2002; Askehave, 2000; Hanna et al., 2000; Hong, 2002; King, 2002] необходимо на занятиях, направленных на овладение прототипной профессией дистанционной работы, при которой будущие выпускники ежедневно должны будут прибегать к услугам этих технологий [TTEL, 2001]. Поскольку усвоение последовательности рабочих операций особенно очевидно при применении информационного инструментария — чем переводчик неминуемо воспользуется в своей профессиональной деятельности, то возникает необходимость его ознакомления с условиями трудоустройства, предлагаемыми рынком.

Между тем пользователи и не совсем подготовленные лица делают упор на овладение соответствующими языками. Однако при использовании технических возможностей информатики и телекоммуникаций возникают профессиональные задачи, решение которых не имеет обратного пути. Среди них следует особо выделить документацию, терминологию, маркетингование и отношения с пользователями и получателями.

На сегодняшний день Интернет является самым крупным в мире хранилищем информации. Он быстродействующий и доступен в любом месте. Таким образом сократилось время запроса необходимой информации для правильного понимания оригинального текста, что раньше в процессе перевода занимало значительное количество времени. В свою очередь это требует от переводчиков развивать способности по поиску и качественному отбору информации, которая раньше предоставлялась сотрудниками библиотек и специалистами по обработке документации, а также специалистами определённых отраслей. Эту информацию хороший профессиональный переводчик хранил в своих картотеках как ключ к успеху в своей работе.

То же самое происходит и в области терминологии. Раньше главная проблема заключалась в доступности специальной терминологии, поскольку был затруднён её поиск. В настоящее время цифровые и телематические предложения позволяют иметь доступ к огромным терминологическим банкам как в онлайне, так и в CD-ROM, которые часто обновляются и позволяют находить более точный вариант, чем тот, который обычно употреблялся самими специалистами. Доступ к многочисленным специальным текстам также облегчил многие задачи, и сегодня уже стали иными главные проблемы терминологии. Сейчас они заключаются в отборе терминологии из специальных текстов при помощи информационных механизмов, в исключении различных возможностей деноминации и в накоплении решений для будущих заказов.

В макетировании (графический дизайн текста с его последующей передачей для публикации или для прямого использования) произошёл настоящий переворот, и на сегодняшний день компьютеры позволяют любому пользователю составить текст приемлемого качества для его публикации при помощи только текстового процессора. Если раньше макетчикам требовался только чистый текст для его обработки, то переворот в информатике возлагает эти задачи также на переводчика, сократив тем самым производственную цепочку и сделав более разнообразным профиль специалистов. Таким образом, сегодня возникает необходимость дать студентам знания по макетированию, например по способу внесения уравнения в текст; по передаче даты по-немецки; по стандартной телефонной аббревиатуре во французском языке — короче говоря, ознакомить со всеми требованиями по оформлению, которые обычно предъявляются для научных периодических изданий. А это необходимо делать на нескольких уровнях — от прямого применения текстового процессора до специальных программ по работе с веб-страницами, причем с прохождением по собственным программам ма-

кетирования — QuarkXpress™, PageMaker™ о FrameMaker™. Кроме того, предполагается, что многие научатся работать на компьютерах типа “McIntosh”, которые по своему устройству особенно хороши для обработки изображения и графических аспектов текстов.

Ко всему изложенному следует добавить дополнительные возможности телекоммуникаций. Из локального рынок перерос в мировой, и сегодня уже нет ничего необычного в том, что из определённого места можно работать на клиентов, которые находятся на расстоянии в тысячи километров и которых невозможно увидеть. Намного упростились приём и передача информации, их время в большинстве случаев сократилось наполовину. Но это только один аспект этого явления. Поворот к информационному обществу, в котором миллионам граждан предоставляется возможность общаться между собой индивидуально (веб-страницы, отправка прикрепленных документов) или группой (перечень раздачи, специализированные форумы, электронные издания), привёл к переводческому буму, открыв зелёную улицу многим видам перевода, на сегодняшний день просто анекдотичным, например кухонные рецепты или медицинские рекомендации, которые еще каких-то 20 лет назад не были доступны широкой публике. Например, сейчас почти не издаются энциклопедии, к которым бы не прилагались соответствующие CD-ROM или DVD, если они не находятся исключительно в электронных текстах. Это более дешёвый способ выпуска продукции, позволяющий практически проводить её постоянное обновление. Эти изменения, а также повышение спроса при координации усилий нескольких переводчиков предоставляют возможность издать учебник за каких-либо 2 месяца, тогда как раньше для того, чтобы он попал в руки пользователю, потребовалось бы почти 2 года.

Таким образом, в настоящее время переводчиков можно назвать профессиональными многоязычными информаторами. При этом упор делается именно на овладении инструментарием, находящимся в нашем распоряжении уже около десятка лет. Это не означает, что владение языками в настоящее время не столь важно, скорее всего оно является только частью того, чему следует научиться.

В связи с этим, учебный план Гранадского университета по специальности «Письменный и устный перевод» был вовремя и правильно скорректирован: были введены или подкреплены предметы по документации, терминологии, машинному переводу, программированию мультимедиа и профессиональному управлению, которые в настоящее время сосуществуют (уживаются) с традиционными предметами по переводу. Однако регламентирование обучения отдельным предметам тормозит развитие обучения дистанционной и групповой работе, которая является базовой в нашей сфере.

Это обстоятельство стало исходным пунктом инновационного учебного проекта под названием **Aula.int**, осуществляемого при поддержке вице-ректора Гранадского университета по планированию и качеству учебного процесса. Его цель — дополнить преподавание некоторых предметов по специальности «Письменный и устный перевод» межпредметными связями. Другими словами, соединить в отдельных предметах последовательность работ, при которых каждый студент является частью отдельной группы, изучающей различные предметы и в которой каждый участник выполняет задание, непосредственно связанное с избранным им предметом, и в то же время выполняет действия, необходимые для группы в целом.

Таким образом, проект приближен к целям Болонской декларации, поскольку он предусматривает обучение, направленное на специальность, нацелен на студента и объем его работы, а также содействует пониманию целей обучения всеми участниками. С другой стороны, он способствует сближению реальных способов производства с аудиторией и помогает усваивать реальную повседневную работу, что впоследствии даст определенные преимущества при выходе на рынок труда.

Это предложение вписывается в рамки новых требований общества, которые обязывают научный и преподавательский состав университета быть созидателями преобразований, заключающихся во внедрении новых технологий во все сферы жизни нашего информационного общества. К этим темам в области перевода, охватывающего многие дисциплины, проявляют интерес большинство преподавателей. Многие из них, осуществляя свою научную, преподавательскую и профессиональную деятельность, внедряют в учебный процесс информационный инструментарий и ресурсы, которыми располагает Интернет. Направление исследований, которые проводит преподавательский состав, задействованный в специальном проекте виртуальной аудитории (восстановление информации, терминография, локализация software — программного обеспечения, аудиовизуального и мультимедиаперевода), обеспечивает его содержание.

1. Цели **Aula.int**

1. Ознакомить студента-переводчика с методами работы бюро переводов, воссоздавая производственную цепь процесса перевода на профессиональном рынке. Так, в **Aula.int** студент может осуществлять работу документалиста (*специалиста по обработке документации*), терминолога, переводчика, а также корректора и макетчика текстов.

2. Получать информацию из первых рук о результатах внедрения новых технологий в учебный процесс. Таким образом мож-

но будет проанализировать и оценить возможности, которые предоставляют новые информационные и коммуникационные технологии для их применения в педагогической деятельности.

3. Предлагать научно-преподавательскому составу надлежащий инструментарий и рабочую модель с целью применения новых технологий в аудитории, а также предоставлять им возможность воссоздавать профессиональную рабочую обстановку во время учебного процесса.

4. Помимо координации дисциплин в рамках занятий по переводу, развивать дистанционную работу в группе, самообучение и овладение межпредметными связями.

В **Aula.int** научно-исследовательский и преподавательский состав может ознакомиться с методами педагогического применения новых информационных и коммуникационных технологий. Им также предлагается модель виртуальной аудитории, которая хотя и разработана для занятий по переводу, воссоздает базовую структуру, присутствующую в любом проекте моделирования и таким образом сближает академическую деятельность с профессиональным рынком.

Благодаря появлению новых предметов в учебных планах Гранадского университета по специальности «Письменный и устный перевод» в преподавании восполняются пробелы по требованиям профессионального рынка, с чем до настоящего времени наши выпускники могли ознакомиться при помощи знаний, полученных в аудитории, то ли *motu proprio* или во время последиplomной практики.

Существует ряд предметов и комбинаций языков, которые также приобщаются к проекту. Некоторые из них касаются документации (экономическая и юридическая документация, обработка информации и ее обеспечение), языка, перевода и других специальностей.

2. Описание инновационного интернет-проекта

Веб-сайт — **Aula.int** (<http://www-ugr-es/aulaint>) как оператор связи является информационной средой сотрудничества преподавателей и студентов, принимающих участие в проекте. Помимо исходных данных, представленных в электронном виде, он включает *путеводитель*, позволяющий участникам проекта ориентироваться в выполнении стоящих перед ними задач, т.е. выступает в функции *консалтинга*, а также позволяет разместить на внутренних страницах модуль ссылок на программы предметов, предусмотренных проектом. Студенты могут связываться друг с другом и преподавателями по электронной почте (aula-int@ugr-es) для обмена информацией, идеями и мнениями, а также для пересылки заданий, находясь в постоянном и целенаправленном взаимодействии.

Эксплуатация проекта в учебных целях соответствует профилю изучаемых студентами предметов. Задания передаются по цепочке в последовательности, заданной целями и задачами проекта. При этом каждое последующее задание выполняется на основе предыдущего, что обеспечивает необходимую преемственность в их реализации, как видно из следующей схемы ролевого обеспечения проекта.

- На первом этапе студенты-«источниковеды» занимаются поиском текстов, аналогичных исходному, а также связанных с ним по тематике.
- На втором этапе студенты-«лексикографы» составляют маленький словарь рабочей терминологии, связанной с профилем исходного текста.
- На третьем этапе на материале двух предыдущих заданий студенты-«переводчики» занимаются собственно переводом.
- Наконец, на последнем, заключительном этапе студенты-«редакторы» отшлифовывают перевод и подают его как окончательный продукт совместной деятельности, приведённый в соответствие с критериями качества, заданными проектом.

Таким образом, выполняемая работа делится на собственно переводческую и ту, которая предшествует переводу. Такая структура предусматривает следующую схему организации работы участников рабочей группы.

1) Предметы, входящие в состав проекта, в большинстве своём преподаются в первом семестре. Это совпадение благоприятствует организации совместной координированной работы. Студенты по договоренности друг с другом организуются в группы, где каждый участник получает свою роль, например, «лексикограф» или «редактора» в соответствии с профилем изучаемых дисциплин. В получении заданий в рамках проекта **Aula.int** особенно могут быть заинтересованы студенты, регулярно посещающие занятия и сдающие экзамены «автоматом».

Со своей стороны преподаватель — участник проекта **Aula.int** может давать по четыре задания, которые в общей сложности, от первого звена до последнего, могут быть выполнены за три недели в расчёте на каждое задание.

2) Для студентов четвертого курса, сдавших дисциплины, входящие в состав проекта, он может стать заменой производственной практики.

В этом случае речь идёт не о работе, которая идёт в счёт стажа, а именно о практике на оценку, влияющую на общую сумму баллов, выставляемых при окончании учебы.

Тематика текстов для перевода в проекте **Aula.int** с самого начала вступления его в силу носила научно-технический, а точнее,

медицинский характер, что объясняется повышенным спросом на данную литературу. Кроме того, в интернет-сети такие тексты находятся в изобилии. Немаловажно и то, что при выходе на работу выпускники-переводчики сталкиваются чаще всего именно с подобными текстами. Показательно, что по данным 80% переводов оказываются научно-техническими. В начале работы проекта мы отобрали для студентов разных курсов 50 текстов на трёх основных языках (испанский, английский, французский), различных по уровню сложности. Таким образом была заложена основа для работы в рамках проекта. Первичный корпус текстов может быть использован и в дальнейшем. Одна из наиболее привлекательных сторон проекта состоит в том, что студенты могут принимать в нём участие в течение всего срока обучения, выполняя отдельные задания, входящие в состав целого, и чувствуя себя членами коллектива профессиональных переводчиков, что развивает ответственность и прививает навыки научной организации труда. Кроме того, они учатся работать на расстоянии.

3. Организация виртуальной аудитории

В связи с необходимостью контроля за ходом проекта в единстве всех составляющих его звеньев мы посчитали целесообразным ввести фигуру координатора виртуальной аудитории, а также ответственных за каждый её участок. Их функции состоят в следующем:

- координатор виртуальной аудитории отвечает за соответствие качества выполняемой работы целям и задачам инновационного проекта, а также за успешное функционирование каждого из составляющих его звеньев.

Ответственные за работу звеньев подразделяются на:

- веб-мастера, отвечающего за создание, поддержку и управление веб-сайтом;
- администратора по тематике сайта;
- администратора электронной почты;
- администратора по информационному обеспечению сайта, осуществляющего связь между координаторами рабочих групп;
- преподавателей предметов, входящих в состав проекта, ответственных за квалификацию студентов для работы в проекте;
- студентов, входящих в состав рабочих групп.

4. Ход работы

Выполнение работы, связанной с переводом в проекте **Aula int** является поэтапным и состоит из четырех основных компонентов, начиная с поиска и извлечения вспомогательной информации

до представления окончательного результата. В состав рабочей группы входят:

- координатор;
- «источниковед»;
- «лексикограф»;
- «переводчик»;
- «редактор».

1. Сбор информации

На данном начальном этапе работы студент выступает в роли «источниковеда». Его задача заключается в сборе информации, сопутствующей тексту как объекту перевода. Из этого вытекают следующие необходимые операции:

- внимательное чтение текста, предназначенного для перевода;
- отбор и выделение ключевой терминологии, соответствующей профилю текста;
- поиск текстов, аналогичных исходному по тематике;
- загрузка и классификация собранной информации;
- отправка файлов.

2. Лексикографическое задание

На следующем этапе член рабочей группы, выступающий в роли «лексикографа», на основе, имеющейся в его распоряжении информации, полученной на предыдущем этапе работы в цепочке, составляет терминологический словарь, который понадобится переводчику, исходя также из тех терминологических источников, которые он сочтёт необходимыми привлечь. Его задача состоит в следующем:

- внимательное чтение переводимого текста;
- создание концептуальной базы текста, предназначенного для перевода;
- отбор специализированных лексических единиц (СЛЕ), требующих при переводе соответствующих терминологических эквивалентов;
- подготовка терминологического словаря в модуле html.

3. Перевод

На данном этапе осуществляется собственно перевод текста на основе информационной базы, подготовленной предыдущими членами группы. В задачу «переводчика» входит:

- внимательное чтение текста с целью полного его понимания;
- целенаправленное чтение текстов, аналогичных исходному, и проработка всей собранной «источниковедом» необходимой информации;

- анализ СЛЕ, отобранных «лексикографом»;
- осмысление заданий по переводу;
- решение задач, связанных с переводом;
- загрузка информации;
- отсылка информации.

4. Редактирование

На данном этапе ответственный за это задание проверяет соответствие переведённого текста оригиналу и приводит его в соответствие с требованиями, изложенными в памятке, приложенной к заданию по переводу. Его задача сводится к следующему:

- внимательное чтение оригинала и знакомство с собранной информацией;
- знакомство с памяткой, содержащей критерии качества перевода и приложенной к заданию;
- знакомство с памяткой, содержащей критерии качества перевода и приложенной к заданию;
- сравнительный анализ текстов оригинала и перевода;
- запись замечаний и отсылка их переводчику;
- окончательная сверка текстов оригинала и перевода с учётом внесённых исправлений;
- приведение текста в соответствие с техническими нормативами;
- отсылка отредактированного текста.

5. Задача координатора проекта:

- получение задания по переводу;
- определение объема работы и распределение функций между членами проекта;
- контроль над ходом работы;
- подготовка отчета о выполненной работе;
- отсылка информации.

Отчет о ходе реализации проекта

Работа над проектом велась в течение всего 2-го семестра 2001/02 года. За это время было выполнено 9 заданий по переводу на основе трех базовых заданий, каждое из которых состояло из трех компонентов в соответствии с задачей перевода с французского на испанский, с английского на испанский и с испанского на английский. Работа с каждой единицей перевода (текст) занимала 2 недели, в течение которых рабочая группа получала задания от координатора, дававшего конкретные поручения с определением сроков их выполнения на той или иной фазе реализации проекта и разъяснявшего их смысл.

Каждый из преподавателей, задействованных в проекте **Aula.int**, проинформировал своих студентов о начале работы инновационного проекта, охарактеризовав его параметры. Из 40 студентов, пожелавших принять участие в проекте, мы отобрали кандидатов, соответствующих требованиям, предъявляемым членам рабочей группы: студенты, сдавшие экзамены по всем или большинству дисциплин (как правило, четверокурсники), студенты с минимальной загруженностью, студенты с наиболее высокими баллами по дисциплинам, соответствующим профилю проекта.

Из кандидатов были отобраны 15 студентов, каждому из которых в соответствии с уровнем их подготовки дали задания, определённые ходом проекта. Участников разделили на подгруппы по 5 членов, каждый из которых был задействован в 3-х компонентах проекта с таким расчетом, чтобы побывать в нескольких из ответственных ему учебным заданием ролей.

Перед началом работы в проекте для кандидатов проводилось информационное собрание, где были чётко разъяснены его цели и задачи, распределены роли и сделана презентация веб-страницы, созданной для размещения всей связанной с проектом базы данных и информации. Наряду с этим были утверждены и специфические нормативы участия в проекте для преподавателей и студентов. Студенты выполняли задания в соответствии с возложенными на них функциями, а преподаватели осуществляли контроль над ходом всей работы в целом, уделяя особое внимание преподаваемым предметам.

Давая оценку проделанной работе, с удовлетворением отмечаем, что она оказалась полезной как опыт совместной переводческой студенческо-преподавательской деятельности. Вместе с тем мы столкнулись с определёнными трудностями, которые излагаем в следующих трёх пунктах:

- студенты жаловались на отсутствие требуемой квалификации пользователя, а также на неудовлетворительное техническое обслуживание проекта, что вызывало сбои в обмене информацией;
- не было чёткой координации между членами некоторых рабочих групп, и, кроме того, не все справились с возложенной на них задачей, что вызывало в ряде случаев необходимость дублирования ролей;
- наконец, были трудности, связанные с переводом и его редактированием, что принесло немало проблем некоторым рабочим группам. Таким образом, перед нами возникла задача полного или частичного постепенного их разрешения по мере наших возможностей. Тем не менее желающих участвовать в проекте становится все больше.

6. Развитие системы

Aula.int предоставляет в распоряжение студентов ряд электронных ресурсов для выполнения конкретных задач и оказывает следующие услуги в плане развития начатой деятельности:

- создание модуля «Файлы» (возможность создавать файловые архивы, каталоги, подключать файлы к страницам), т.е. продолжить поддержку уже имеющихся информационных материалов и актуализировать новые источники информации (ссылки на веб-страницы, форумы, списки по распределению задач по группам и т.д.);
- создание модуля «Форум» для обсуждения тем и вопросов, которые непосредственно связаны деятельностью проекта. (Список электронных адресов в скором времени будет заменен открытым для полемики форумом с ограниченным доступом, только и исключительно для участников проекта, которые смогут высказать свое мнение о ходе работы и соображения для её улучшения, а также обменяться информацией по заданиям.) Наша цель — создать такой форум, который стал бы ареной дискуссий, организуемой и координируемой преподавателем;
- введение новых языков перевода (итальянский, русский, португальский);
- наряду с медицинскими текстами введение в программу практики перевода текстов юридического, экономического и коммерческого характера;
- создание модуля «Опросы», т.е. пространства, где пользователи смогут высказаться по поводу эффективности инновационного проекта:
 - в чем новизна проекта для студента;
 - оправдала ли программа ваши ожидания;
 - оценка ваших возможностей как пользователя;
 - ваше мнение по поводу работы в группе;
 - качество знаний, полученных в ходе изучения предмета;
 - сколько времени вам требуется на выполнение заданий.

Aulo.int демонстрирует *масштабируемость системы* — широкие возможности по подключению новых (специфических) модулей, разработанных на заказ и учитывающих любые особенности поставленной задачи. Система находится в постоянном развитии и улучшении, а её архитектура позволяет постоянно расширять функциональность и улучшать качество её работы. В скором времени этот инновационный сайт будет востребован для участия в межуниверситетском проекте в духе соглашения Болоньи, а также для организации «соревнования» в плане приближения качества выполняемых переводов к профессиональному уровню.

Надеемся, что данный проект как качественный и уважаемый интернет-ресурс будет способствовать повышению качества обучения в высшей школе и профессиональной ответственности преподавателей при условии соблюдения следующих критериев:

- введение в преподавание новых технологий;
- сближение университетского образования с рынком труда;
- соответствие дидактических материалов целям обучения;
- применение новых методов обучения;
- межпредметные связи;
- введение новых методик;
- приобретение необходимых практических навыков на основе теоретических знаний.

Список литературы

- Archer J.* Internationalisation, technology and translation // *Perspectives-Studies in translatology*. 2002. 10, 2. P. 87—117.
- Askehave I.* The Internet for teaching translation // *Perspectives-Studies in translatology*. 2000. 8, 2. P. 135—43.
- Hanna D.E., Glowacki-Dudka M., Conceicao-Runlee S.* 147 practical tips for teaching online groups: essentials of web-based education // Madison WI, Atwood Publishing. 2000.
- Hong K.* Relationships between students' and instructional variables with satisfaction and learning from a Web-based course // *The Internet and Higher Education*. 2002. 5, 3. P. 267—281.
- King K.P.* Identifying success in online teacher education and professional development // *The Internet and Higher Education*. 2002. 5, 3. P. 231—246.
- Snell-Hornby M., Hönig H., Kussmaul P., Schmitt P.A.* *Handbuch Translation*. Tübingen, 1998.
- TTEL: Translator Training and e-learning: An on-line symposium. Tarragona: Intercultural Studies Group. 17—25 November. 2001. <http://www.ice.urv.es/trans/sociolinguistics/elearning/elearning.html> (Consultado septiembre 2002).

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Т.В. Миллиареси,

доктор лингвистики, профессор Университета Лилль III (Франция), член UMR 8163 STL, CNRS. E-mail: Tatiana.milliaressi@univ-lille3.fr

О МЕСТЕ ТЕРМИНОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается роль терминологии и терминографии в общей теории перевода. Выдвигаются следующие основные положения:

а) терминологическая база данных содержит единицы перевода определённой специализированной области; следовательно, принципы составления терминологической базы данных должны изучаться в рамках теории перевода;

б) с другой стороны — терминография, представленная многоязычными тезаурусами, основана на универсальной классификации научных понятий, поэтому не должна входить в теорию перевода;

с) единицы словаря являются большей частью единицами языка; однако некоторые из них (однозначные лексемы, пословицы, поговорки и т.д.) являются одновременно и единицами речи (т.е. единицами речи, переводимыми в максимальном количестве контекстов одинаково), а значит, они могут рассматриваться в рамках теории перевода.

Ключевые слова: терминология, терминография, теория перевода, единицы перевода, база данных, тезаурусы, лексикографические единицы.

Tatiana V. Milliaressi,

doctor in linguistics, Professor, UMR 8163, STL, Lille III University. E-mail: Tatiana.milliaressi@univ-lille3.fr

On the Place of Terminology and Lexicography in Translatology

The article examines the role of terminology and lexicography in traslatology. It tries to show the following points:

a) a terminological database comprises units of translation belonging to a domain; consequently, the principles of Database creation form an integral part of the traslatology;

b) on the contrary, the terminography, through its multilingual thesauri, presents universal conceptual classifications, and it does not form part of traslatology;

c) the lexicographical units are mainly units of language; however, certain lexicographical units (monosemantic lexemes, proverbs, etc) are also units of speech (i.e. they are likely to have the same translation in the majority of the contexts) and must be explored in traslatology.

Key words: terminology, lexicography, traslatology, units of translation, database, thesauri, lexicographical units.

Вопрос о месте терминологии и лексикографии в общей теории перевода мне представляется очень важным. Двужычные словари, общие или технические, часто называют переводными, и складывается впечатление, что двужычная лексикография является как

бы подразделом общей теории перевода. Действительно, и лексикография, и теория перевода основываются на контрастивном анализе языка-источника («langue-source») и языка-цели («langue-cible»). Однако предметы исследования этих двух областей языкознания различны, и цели исследования совпадают лишь частично.

1. Единицы перевода как единицы языка и речи

Предметом изучения лексикографии являются единицы языка, в то время как теория перевода изучает единицы перевода, т.е. единицы речи. Если единица перевода — это сегмент текста оригинала, который переводится как единое целое и выявляется на основе контрастивного анализа с языком перевода, то, значит, она является и единицей речи.

Прикладное значение двуязычной лексикографии и теории перевода также различны, несмотря на существующие общие функции. Общим у теории перевода и у лексикографии является обеспечение правильного понимания высказывания (устного или письменного) и его адекватная передача на родном языке. Однако двуязычная лексикография ставит перед собой более широкую задачу, а именно обеспечить также правильное речепроизводство на иностранном языке. Вспомним классическое разделение Л.В. Щербы словарей на активные и пассивные [Щерба, 1974], что послужило позже разделению словарей на словари, обеспечивающие понимание («dictionnaires de compréhension»), на словари, направленные на перевод («dictionnaires de traduction»), и на словари, направленные на правильное речепроизводство («dictionnaires de production») [Boukreeva-Milliaressi, 2001, с. 38—62].

Обратим внимание и на то, что, когда говорят о переводе, рассматривается, как правило, перевод с иностранного языка на родной, а когда же речь идёт о речепроизводстве, переход осуществляется с родного языка на иностранный либо от универсальных понятий, выраженных на иностранном языке, к их лингвистической реализации на иностранном языке [Cambridge Word Routes, 1994]. Другими словами, перевод направлен на понимание исходного иностранного текста и на его адекватную передачу на родном языке. Этот тип перевода и является предметом теории перевода. Другой тип перевода, с родного языка на иностранный, является дидактическим упражнением в целях изучения иностранного языка. Этот тип дидактического перевода следует отличать от перевода как вида человеческой деятельности [Ladmiral, 2002, с. 41]. Не случайно, что в переводческих бюро профессиональные переводчики переводят обычно с иностранного на свой родной язык.

Таким образом, предметы лексикографии и теории перевода различны. Несколько другая ситуация с терминологией и терминологией. Ведь термины являются одновременно единицами терминологии и готовыми единицами перевода, т.е. термины являются не только единицами языка, но и единицами речи.

Термины как единицы языка представляют собой абстрактные единицы, которые могут существовать вне синтаксического контекста и быть зафиксированными в словарях. Контекстуальное окружение термина определяется специальной пометой, ограничивающей научно-техническую область его употребления. Постоянные единицы перевода, т.е. единицы речи, включают в себя термины и, кроме того, штампы, ситуационные клише, пословицы и образные выражения, т.е. синтагмы, переводящиеся в максимальном количестве возможных контекстов одинаково. Таким образом, при определённых условиях единицы перевода могут выступать как единицы языка.

Общеизвестно, что профессиональным переводчикам в ходе их работы предстоит составлять терминологическую базу на основе сделанных переводов в определённой узкой специальной области. База данных должна быть составлена таким образом, чтобы ею мог пользоваться коллега-переводчик, не обязательно специализирующийся в этой конкретной научно-технической области.

Необходимо отличать базы данных в определённой специальной области от макротезаурусов.

2. Двухязычные терминологические базы и макротезаурусы

Терминографические принципы создания двухязычных баз данных и терминологических многоязычных макротезаурусов различны. Макротезаурус представляет собой научную классификацию понятий, относящихся к определённой области, и их выражение на нескольких языках. Научное членение мира, которое является результатом официальной нормализации, обеспечивает однозначную межъязыковую эквивалентность. Таким образом, макротезаурусы, в отличие от двухязычных словарей, описывают не единицы языка, а универсальные понятия. Макротезаурусы обычно составляются международными организациями, задачей которых является нормализация научных терминов и унификация научных понятий¹. Терминологическая же база данных описывает единицы речи, в отличие от терминологических двухязычных словарей, описывающих единицы языка.

¹ Например, СЕИ (Международная комиссия по электротехнике), основанная в 1904 г. в Миссури (в настоящее время центральный орган находится в Женеве), и ИСО (Международная организация по промышленной нормализации), созданная в 1946 г. (центральный орган расположен в Женеве).

При создании базы данных помимо понятийной эквивалентности учитывается эквивалентность языковая, т.е. конкретные контекстуальные рекуррентные употребления. Основной отличительной чертой таких баз данных от существующих терминологических словарей является то, что они описывают не понятия, а речевые рекуррентные синтагмы.

Я постараюсь пояснить это на примере понятийной эквивалентности между банковскими терминами *расходы* — *dépenses* в русском и французском языках. Эта языковая эквивалентность отмечена помимо существующих русско-французских словарей в двуязычных технических словарях, например в *Банковско-биржевом словаре* [Гавришина и др., 1999].

Если же сопоставить речевые употребления, то оказывается, что в банковско-биржевой области русского языка существует целый ряд других терминов, которые могут переводиться французским термином *dépenses*, и что в свою очередь французский термин *dépenses* может переводиться на русский язык не только, как *расходы*, но и другими терминами.

Таким образом, можно выделить как бы два перекрещивающихся концептуальных сектора в двух языках. В русском языке — это *расходы, издержки, затраты, стоимость, цена*; а во французском — *charges, frais, dépenses, coût(s), prix*.

Естественно, когда эти термины входят в состав терминологических словосочетаний, их перевод представляет ещё большие трудности. Например, три французских терминологических словосочетания *coût du crédit, frais d'emprunt, charges d'emprunt* переводятся в вышеназванном банковско-биржевом словаре одним и тем же словосочетанием *стоимость кредита*. На самом же деле каждое французское словосочетание соотносится с отдельным понятием:

coût du crédit или *coût de l'emprunt*: общая сумма денежных взносов за вычетом занятого в долг капитала;

charges de l'emprunt: ежемесячный взнос за кредит;

frais d'emprunt, frais de crédit: «побочные расходы, которые входят в *coût du crédit* за вычетом процентов и страховки, как, например, стоимость открытия кредита или предоставления гарантий».

Такое смещение различных употреблений часто наблюдается при лексикографическом представлении многих терминов, например: *coût fiscal, frais fiscaux; valeur d'achat, prix d'achat / coût d'achat* и многих других.

Иными словами, в терминологической базе необходимо учитывать контекстуальные употребления, связанные с различными понятийными представлениями в каждом языке. Так, например, термин *charges* используется только тогда, когда речь идёт о регулярных обязательных платежах (это может быть ежемесячная

квартплата или ежегодные налоги); термин *frais* используется только применительно к специфическим и одноразовым издержкам (например, за дорогу или гостиницу), а термин *coût* соответствует общей сумме специфических издержек.

3. Принципы составления терминологических баз данных

Какой же должна быть конкретная методика, которую мог бы использовать профессиональный переводчик для составления терминологической базы данных в определённой специализированной области, чтобы предложить переводные эквиваленты на своём родном языке? Прежде всего ему необходимо собрать все встречающиеся в переводимых им документах терминологические словосочетания, имеющие близкое по смыслу значение.

Сначала следует определить родовое понятие всех близких по смыслу терминологических словосочетаний. Эту операцию можно проиллюстрировать на примере видо-родовых отношений в общепотребительной лексике. Так, например, *яблоня, дуб, тополь* — элементы класса «*дерево*». Точно так же *банковские расходы* и *расходы на социальное обеспечение* — элементы класса «*расходы*» (Ср.: *frais de gestion, frais d'inscription...* → «*frais*»).

Необходимо также определить элементы и высшего класса, для которого рассматриваемый термин — не родовое понятие, а элемент класса. В случае с понятием *дерево* элементом этого же класса будет понятие *куст*, а родовым понятием — концепт, не имеющий однословного эквивалента, который можно сформулировать как «многолетнее растение с разветвляющимися ветвями, достигающее значительных размеров»: *дерево, куст* → «растение...». И точно так же: *расходы, издержки, затраты* → «трата денег» (Ср.: *frais, coût, charges, dépenses...* → «*emploi d'argent*»).

Чтобы предложить адекватные эквиваленты, необходимо сначала дать дифференциальное определение каждому термину, т.е. определить различие между терминами общего концептуального сектора², покрывающего понятие «трата денег». Это позволит определить особенности понятийного членения мира каждого языка.

Отметим ещё раз, что существующие специализированные словари дают определение термину, которое не может быть в полной мере использовано при переводе, так как в нём не учитываются дифференциальные контрастивные особенности этого термина. Так, например, термин *charges* определён в *Финансово-экономи-*

² Термин «концептуальный сектор» был первоначально предложен Ж. Триром [Trier, 1931] и затем использован П. Гиро [Guiraud, 1955].

ческом словаре [Bernard, Colli, 1975], как «Dépenses effectives ou virtuelles affectant l'exploitation ou la structure financière de l'entreprise»³. Эта дефиниция не достаточна для адекватного перевода этого термина. Контрастивность определения термина должна основываться не только на сопоставительном анализе употреблений иностранных терминов одного класса, но и соответствующих терминов родного языка.

Проиллюстрируем это на конкретном примере. Проанализировав определения одноязычных терминологических словарей, а также переводы в двуязычных словарях, я предлагаю следующие контрастивные определения банковских терминов обоих языков, относящихся к сектору «трата денег»:

DÉPENSES — любая трата денег, кроме финансовых вложений, помещения капитала.

CHARGES — регулярные периодические платежи, не связанные с финансовыми вложениями.

FRAIS — специфические расходы любого рода, являющиеся частью целого комплекса расходов.

COÛT — общая сумма расходов («потраченных денег»), связанная с определённой операцией, состоящая из специфических одноразовых расходов («frais») и регулярных платежей («charges»).

РАСХОДЫ — любая трата денег, кроме финансовых вложений, помещения капитала (= «dépenses»).

ЗАТРАТЫ — трата денег с целью получения прибыли, например покупка сырья и средств производства.

ИЗДЕРЖКИ — любые расходы предприятия, связанные с определённой коммерческой операцией, за исключением финансовых вложений, покупки сырья и средств производства.

СТОИМОСТЬ — общая сумма расходов, состоящая из затрат с целью получения прибыли, специфических одноразовых расходов («frais») и регулярных платежей («charges»).

На основе этих общих определений можно рационально построить базу данных с терминологическими словосочетаниями, в состав которых входит один из приведённых терминов. Например, терминологическая карточка для французского термина *charges* может выглядеть следующим образом⁴:

CHARGES — однозначный эквивалент в русском языке отсутствует, обозначает «регулярные периодические платежи, не связанные с финансовыми вложениями»:

³ «Реальные или потенциальные расходы, связанные с эксплуатацией или с финансовой структурой предприятия» (пер. мой. — Т.М.)

⁴ Терминологическая карточка составляется обычно на основе готовой наполняемой терминологической формы (например, MULTITERM).

1) *Расходы* — более общее значение, не отражающее «регулярность и периодичность» платежей; часто используется с прилагательным, выражающим «периодичность» (ежемесячные, ежегодные и т.д.):

charges bancaires — банковские расходы;

charges fiscales — налоговые расходы;

charges locatives — ежемесячные расходы (плата) за коммунальные услуги;

charges sociales — расходы на социальное обеспечение.

2) *Издержки* — более узкое значение, относится только к платежам предприятий, не отражающее «регулярность и периодичность» платежей; используется с прилагательным, выражающим «периодичность» (ежемесячные, ежегодные и т.д.):

charges fiscales — ежемесячные (ежегодные) налоговые издержки;

charges d'emprunt — ежемесячные издержки по займу.

Итак, при составлении терминологических карточек необходимо обратить внимание на несколько важных моментов:

1. Возможность установить понятийную эквивалентность между двумя терминами двух языков (например: *расходы* ↔ *dépenses*, *prix* ↔ *цена*), она, как правило, не всегда сохраняется в словосочетаниях, в которые эти термины входят. Например, все русские словосочетания со словом *расходы* не всегда будут переводиться соответствующим термином *dépenses*. Детерминант в терминологическом словосочетании может иметь функцию спецификатора или генерализатора [Guilbert, 1965]. Например: *prix de revient*⁵ переводится обычно словом *себестоимость* (детерминант *de revient* имеет функцию генерализатора по отношению к основе *prix*). В русском языке в сложном слове *себестоимость себе-* является детерминантом и имеет функцию спецификатора.

2. Если термин не отражает какую-либо семантическую характеристику соответствующего термина другого языка, эта семантическая характеристика может быть выражена при помощи детерминанта. Например, *dépenses* обозначает «любую трату денег, кроме помещения капитала»; если добавить к этому значению детерминант *d'investissement*, терминологическое словосочетание *dépenses d'investissement* будет означать «инвестиционные затраты».

3. Необходимо отличать рекуррентные речевые терминологические употребления от устойчивых терминологических словосочетаний. В первом случае перевод словосочетания можно предсказать (*charges bancaires* — *банковские расходы*; *charges locatives* — *расходы на коммунальные услуги*); во втором случае речь часто идёт об осо-

⁵ См. [Bernanrd, Colli, 1975]: «coût, pour l'agent économique, du bien ou service qu'il produit».

бой лексикализации словосочетания (*себестоимость* — *prix de revient*⁶; *плата за коммунальные услуги*).

4. При составлении терминологических карточек переводчик может учитывать понятийную классификацию, предложенную нормализованными терминологическими тезаурусами. Однако она служит ему для иных целей. Например, русский термин *издержки* в экономике покрывает пять основных сфер: издержки обращения, издержки производства, торговые, транспортные и хранения. Каждая сфера включает в себя подсферу. Для переводной базы данных по общей экономике необходимо лишь указать, какие именно расходы предприятия нельзя назвать *издержками* (это «расходы предприятия, связанные с покупкой сырья и средств производства»).

4. Выводы

Терминологическая база данных включает в себя не единицы языка, выражающие универсальное научное членение мира (описываемые в терминографии), а единицы перевода определённой специализированной области иностранного языка. Поэтому принципы создания терминологической базы данных должны рассматриваться как неотъемлемая часть общей теории перевода.

Терминография, представленная многоязычными макротезаурусами, основана на универсальной классификации научных понятий, и поэтому не должна рассматриваться в рамках теории перевода.

Лексикографические единицы являются единицами языка, и поэтому лишь немногие из заголовочных слов словаря являются не только единицами языка, но и единицами речи (т.е. единицами, переводимыми в максимальном количестве контекстов одинаково). Перевод лишь таких заголовочных слов (т.е. пословиц, клише, однозначных слов) может исследоваться в рамках общей теории перевода.

Список литературы

- Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265—304.
- Boukreeva-Milliaressi T. Vers un dictionnaire bilingue d'initiation aux mécanismes de création lexicale (russe ↔ français). Villeneuve d'Ascq, 2001.
- Cabre M.T. La terminologie: théorie, méthode et applications. Ottawa, 1998.
- Guilbert L. La formation du vocabulaire de l'aviation: thèse. P., 1965.
- Guiraud P. La sémantique. 7e éd. Que sais-je? P., 1972.

⁶ Логически должно было бы быть *coût de revient*.

- Ladmiral J.-R.* Traduire: théorèmes pour la traduction. P., 2002.
- Lerat Pierre.* Les langues spécialisées. PUF. P., 1995.
- L'Homme M.-C.* La terminologie: principes et techniques. Les Presses de l'Université de Montréal, 2004.
- Lyibs J.* Eléments de sémantique, trad. fr. P., 1978.
- Rey A.* La terminologie: noms et notions, «Que sais-je», n 1780, P., 1979.
- Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.

Словари

- Гавришина Л.С.* и др. Банковско-биржевой словарь. М., 1999.
- Гак В.Г., Триомф Ж.* и др. Французско-русский словарь. М., 1991.
- Ганишина К.А.* Французско-русский словарь. 11-е изд. М., 1990.
- Райзберг Б.А.* и др. Современный экономический словарь. 5-е изд. М., 2007.
- Bernard Y., Colli J.-C.* Dictionnaire Économique et Financier. Tours. Éditions du Seuil. 1975.
- Cambridge Wortes Routes. Anglais-Français: Lexique thématique de l'anglais courant. Cambridge, 1994.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО И В ПЕРЕВОДЕ»

2—4 февраля 2009 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе», организованная Высшей школой перевода (факультетом) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при содействии Центра исследования и развития греческой культуры стран Причерноморья, номархии и Генерального консульства Российской Федерации в г. Салоники.

Цель конференции — способствовать повышению интереса к русскому языку, культуре, а также к переводам произведений русских авторов на иностранные языки и переводам на русский язык произведений зарубежных писателей. На конференции обсуждались актуальные проблемы преподавания русского языка как иностранного как в России, так и за рубежом. Участники обменялись опытом в области новых технологий в обучении РКИ. На конференции были представлены новые учебные пособия и мультимедийные курсы.

В работе конференции приняли участие более 150 человек из России, Греции, Грузии, Польши, Киргизии, Болгарии, Латвии, Турции, Казахстана, Литвы, Армении, Испании, Италии, Украины, Белоруссии, Израиля, Ирана, Германии и других стран. Широкая география конференции подтвердила интерес к проблемам, предложенным к обсуждению и характеризующимся несомненной актуальностью в современных областях науки о языке и переводе.

В конференции принимали участие не только доктора наук, кандидаты наук, преподаватели и переводчики, но также аспиранты и студенты старших курсов различных вузов России и других стран.

Кроме того, на конференции присутствовало большое количество гостей — слушателей из греческих учебных заведений (как преподавателей, так и учащихся), проявивших большой интерес к проблематике конференции.

На пленарном заседании были прочитаны три доклада. Пленарное заседание открывалось докладом декана Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия) профессора *Н.К. Гарбовского* «Пись-

менный и устный перевод: в поисках универсальной методики». Второй доклад был представлен доцентом Южнославянского института Киевского славистического университета (Украина) *И.В. Грибановой* «Родной как иностранный (русский язык в вузах юга Украины)». Пленарное заседание завершило выступление профессора Вильнюсского университета (Литва) *Э.Р. Лассан* и профессора Кельцеского университета (Польша) *К. Люцинского*, которые представили совместный доклад «О специфике заимствований эпохи глобализации в разных языках (на материале русского языка в сопоставлении с польским)».

В рамках конференции в течение трех дней работали шесть секций. В секции «Вопросы межкультурной коммуникации» диалог участников коснулся таких важных проблем, как способы отражения языковой картины мира, национальная психология и менталитет. Участники затронули также вопросы межкультурной коммуникации в современной образовательной парадигме и проблемы, связанные с формированием межкультурной коммуникативной компетенции у учащихся в процессе профессиональной подготовки (*И.Л. Анастасьева, Д.А. Эйгирдене, Т.И. Конончук, Т.Ф. Куприянова, М.М. Лоевская, Л.Л. Подгорная, А. Пурисман, В.В. Федас, Л. Кореновска* и др.).

Плодотворной оказалась работа секции «Вопросы художественного перевода». Особенный интерес аудитории вызвало обсуждение докладов «Муки переводческие: слово В. Распутина в переложении на французский язык» (*В.Е. Горшкова*), «Русская поэзия XX века в переводах на литовский язык (трансляция ключевых культурных понятий)» (*А. Диомидова*), «Словотворческий потенциал русского языка в переводах Шекспира: Заумь О. Сороки» (*Е.Ю. Кунякина*) и др.

Горячие споры возникли при обсуждении важнейших актуальных проблем во время работы секции «Современные концепции в обучении РКИ». Докладчики говорили о трудностях, возникающих при изучении словообразования русского языка испаноговорящими студентами (*И.А. Вотякова*), об обеспечении валидности тестовых материалов по РКИ (*Н.П. Андрияшина, Х. Плес*), о тех стратегиях, которые используются при запоминании лексики студентами (*Э. Дзвезжиньска*), о проблемах, возникающих при обучении русскому языку выходцев из бывшего СССР (*М.И. Зелилова*). Докладчики говорили о необходимости учебных дискуссий на занятиях по практике русской речи (*О.А. Полетаева*), а также о нетрадиционных методах при обучении русскому языку в греческой аудитории (*Н.В. Ральчева, Х. Марку, С.А. Мамалуй*) и др.

В секции «Методы и технологии обучения РКИ: новые подходы, учебники и учебные пособия» были представлены проекты учебных пособий по русскому языку для работников туристиче-

ского бизнеса (*Т.С. Борисова*), по курсу «Теория русского языка (для иностранных учащихся)» (*М.Н. Есакова, Г.М. Литвинова*), а также мультимедийный курс по обучению бизнес-русскому в системе Web-Based Training (*Г.А. Зенгалея*).

В секции «Теория, история, методология перевода» обсуждались вопросы, связанные с переводом и развитием русской словесности (*О.И. Костикова*), переводом некоторых греческих словосочетаний в древнеславянских текстах (*С.Г. Амириду*), переводом историко-культурологических реалий (*Н.З. Гаджиева*) говорилось о психологических основах работы устного переводчика (*О.С. Жаркова*), поднимались проблемы, связанные с эквивалентностью и гетеро-валентностью в процессе опосредованной коммуникации (*Н.Г. Валеева*), а также проблемы межъязыковой коммуникации и фоновых знаний переводчика (*Е.А. Нотина*) и др.

Работа секции «Вопросы сопоставительной лингвистики» велась по следующим направлениям: лексические заимствования как результат межъязыкового взаимодействия, сопоставительные исследования в изучении национальных языковых картин мира (*Н. Мяркене, Л.В. Савицкая, В.М. Назаретян, Т.В. Диасамидзе*). Кроме того, докладчики касались проблем, связанных с грамматическими трудностями, возникающими при переводе с одного языка на другой (*Э.Ф. Керо-Хервилья, Р. Гренарова*) и др.

Большой интерес аудитории вызвал мастер-класс *Н.И. Гетьманенко* «Восприятие иной культуры: прототипы и стереотипы».

По материалам работы конференции выпущен сборник докладов.

М.Н. Есакова, Г.Н. Литвинова

РЕЦЕНЗИИ

Р.Р. Чайковский,

доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан). E-mail: romantch@magadan.ru

ЗЕРКАЛО ПЕРЕВОДЧИКА

(Заметки о книге Е. Калашниковой «По-русски с любовью. Беседы с переводчиками»)

Roman R. Chaikovsky,

DhD, professor, dean of the Philological Faculty of North-East State University (Magadan). E-mail: romantch@magadan.ru

**Translators Mirror: Notes on E. Kalashnikova's Book
"In Russian with love. Interviews with Translators"**

Выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в заглавии своего знаменитого эссе «Нищета и блеск перевода» не случайно, думается, поставил слово «нищета» на первое место. Со времени создания этой работы прошло около восьмидесяти лет, но вопрос, поднятый Ортега-и-Гассетом, остается актуальным и поныне: чего же больше в переводах — нищеты или блеска? [Ортега-и-Гассет, 1991].

В определённой мере ответ на этот вопрос можно найти в книге Е. Калашниковой, в которой она собрала свои интервью с восьмьюдесятью семью переводчиками¹. В своей работе Е. Калашникова повторяет путь, который до нее проделали Е. Хониг, опубликовавший книгу развёрнутых интервью преимущественно с американскими и английскими переводчиками [Honig, 1985], а также магаданская исследовательница рецепции творчества Р.М. Рильке в России Е.Л. Лысенкова, выпустившая два издания своей книги интервью с переводчиками поэта [Лысенкова, 1998, 2002]. Кроме того, во всех выпусках альманаха «Перевод и переводчики», выходящего в Магадане, содержится раздел «В творческой лаборатории переводчика», где приводятся интервью с авторами переводов [Перевод и переводчики. Вып. 1—6, 2001—2009]. К сожалению, на указанные книги своих предшественников Е. Калашникова не ссылается, хотя в магаданских изданиях содержатся интервью со многими из тех переводчиков, которые затем отвечали на вопросы

¹ См.: Калашникова Е. По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.

Е. Калашниковой. Сопоставить некоторые ответы было бы небезынтересно.

Корпусу бесед с переводчиками в рецензируемой книге предпослано Предисловие, в котором Е. Калашникова излагает замысел книги, историю работы над ней (первоначально большая часть интервью публиковалась в сетевом «Русском журнале») и даёт обзор ответов по целому ряду тем (например: «Фигура читателя в работе переводчика», «Отношения в переводческом сообществе» и т.п.).

Интервью поданы в книге в наиболее демократическом — алфавитном — порядке, поэтому беседа с уже ушедшей из жизни Е. Кацевой, неприятно повествующей о своём пути как переводчика, соседствует с интервью с неким Алексом Керви, который вспоминает, кто, кому и сколько долларов за тот или иной перевод заплатил, и заявляет, что принадлежит к числу достаточно агрессивных людей, которые при желании могут дать в ухо какому-нибудь ретивому и любопытному журналисту. А на вопрос интервьюера о том, не относятся ли книги, которые он переводит и издаёт, к маргинальной литературе, недоуменно отвечает вопросом же: «Какой же я маргинал, если издаю книжки за свой счёт?». Венчает эти откровения претенциозная фотография скрывшегося под псевдонимом господина, сделанная Е. Калашниковой. Видимо, интервьюер побоялась, что агрессивно настроенный против журналистов участник опроса может реализовать свою угрозу, если она поместит в книгу нормальную фотографию, показывающую читателю лицо и глаза этого переводчика. Но нет худа без добра: глядя на фотографию, невольно думаешь — а не маргинал ли всё-таки перед нами? Из сказанного понятно, что многие беседы нуждались в более тщательном редактировании и в сокращении, а некоторые так и вовсе вряд ли заслуживали включения в корпус книги.

Если я уже заговорил о фотографиях, то должен заметить, что они — важный элемент книги. Когда вглядываешься в фотографии Е. Дьяконовой, О. Седаковой, М. Рудницкого и многих других, то ещё до интервью понимаешь, что тебя ждёт встреча с умным человеком. Часть же фотографий сделана, что называется, для домашнего пользования и вряд ли стоило их тиражировать (с. 53, 225, 258, 365 и др.).

Е. Калашникова задавала своим информантам самые разнообразные вопросы. Они затрагивают многие темы — от путей приобщения человека к переводу до времени суток, когда переводчик делает наброски, от отличия перевода прозы и поэзии до оценок переводчика, который он или она получали когда-то по школьным предметам, от влияния гендерных аспектов на результаты перевода до использования подстрочника. Однако некоторые вопросы в той или иной форме повторяются во многих беседах. Это прежде

всего вопросы переводной множественности, т.е. наличия двух или более переводов одного и того же оригинала (термином «переводная множественность» Е. Калашникова не пользуется — возможно, он ей незнаком). Столь же часты и вопросы, затрагивающие проблему текстов-доноров, т.е. своего рода аналогов оригинала в литературе языка перевода (подробнее о текстах-донорах см. в работах Е.В. Нарбут: [Нарбут, 2007]). Кстати, переводоведческое понятие текста-донора Е. Калашниковой, вероятно, также неизвестно. Но нужно сказать, что интервьюер не боится демонстрировать свою неосведомлённость в том, что касается теории и истории перевода. Так, до встречи с Е. Солоновичем она, как явствует из её вопроса, не слышала выражения *traduttore — traditore* (переводчики — предатели) (с. 474), она не знает истории книги К. Чуковского «Высокое искусство» (с. 191), хотя во всех изданиях в конце содержится библиографическая справка. Эти лёгкие саморазоблачения составителя книги совсем не мешают, потому что в ответах переводчиков встречается столько непрофессиональных утверждений, что молодой интервьюер на их фоне выглядит вполне сведущим человеком. Так, Е. Смагина несколько раз упоминает об авторизованном переводе (с. 451, 453), хотя имеет в виду вольный перевод. В. Голышев сетует по поводу того, что «поэтические переводы редко превращаются в факт отечественной поэзии» (с. 167), забывая о том, что ни Данте, ни Шекспир, ни Гёте русскими поэтами быть не могут. По мнению А. Волохонского, «теория перевода существует как измышленная конструкция окрестных бездельников» (с. 133). Не буду вступаться за известных зарубежных переводоведов — С. Басснет, В. Коллера, Ж. Мунена, И. Левого, А. Поповича — за них это, надеюсь, сделают их соотечественники, но вступиться за выдающихся российских теоретиков перевода Л. Бархударова, В. Комиссарова, Я. Рецкера, А. Фёдорова, А. Швейцера, Е. Эткинды, за здравствующих сегодня И. Алексееву, Н. Гарбовского, Т. Казакову, Л. Латышева, Л. Макарову, Л. Нелюбина, Ю. Сорокина, Г. Хухуни и др. обязан. Не сомневаюсь, что если бы господин Волохонский не поленился непредвзято ознакомиться с их трудами, результат его работы был бы и лучше, и значительнее.

Что касается двух наиболее часто встречающихся вопросов о переводной множественности и использовании текстов-доноров, то большинство опрошенных терпимо относятся к многократному обращению к одному и тому же поэтическому оригиналу, но сомневаются в целесообразности существования нескольких переводов прозаических произведений и признаются, что при решении тех или иных переводческих задач часто обращаются к аналогам в принимающей литературе.

В ответах многих серьёзных, высококвалифицированных переводчиков встречаются мысли, облечённые в почти афористическую форму. Эти высказывания можно воспринимать как максимы, отражающие квинтэссенцию переводческого дела. Приведу некоторые из них. Е. Баевская: Переводчик — «помесь писателя с исследователем»; Д. Веденяпин: «Перевод отличается от оригинального произведения тем, что над ним можно работать бесконечно»; Д. Воскресенский: «Каждый из жанров требует от переводчика своего подхода к тексту»; В. Вотрин: «Переводчик открывает новые земли»; Е. Дьяконова: «...кто однажды попробовал переложить на родной язык прочитанное на чужом, вряд ли когда-нибудь откажется от этого сильнейшего искушения»; Т. Казавчинская: «...перевод — искусство портретирования текста»; Е. Костюкович: «Перевод — самое комфортное из состояний письма»; Н. Мавлевич: «...чем лучше переводчик делает своё дело, тем менее он заметен»; А. Прокопьев: «Перевод — это прорыв в неведомые области новых поэтик, нового языка»; О. Седакова: «Переводчику нужна не сила и не яркость своей манеры, а гибкость». Цитировать замечательные метафорические дефиниции перевода и мысли о его подлинной сути можно было бы ещё долго. Но и приведённых высказываний достаточно, чтобы понять, что, как однажды выразился В. Ганиев, каждый практик перевода в душе носит свою теорию. От себя добавлю — если он настоящий переводчик, а не пристроившийся к переводческому ремеслу случайный человек. Завершить эту подборку максим о переводе можно мудрым наблюдением одного из старейших мастеров перевода Н. Трауберг: «Все переводчики иногда пишут глупости». Значит, и господин Волохонский тоже. Надо бы об этом помнить.

Прочитав том бесед с переводчиками, приходишь к выводу, что перевод в своей массе стал вотчиной непрофессионалов. За перевод берутся физики, математики, бывшие работники спецслужб, служащие компаний, кое-как выучившие язык. Вот характерное признание одного из информантов: «Я окончила факультет прикладной математики в техническом вузе. В школе у нас был немецкий язык, а английский я учила сама, потом преподавала его частным образом, работала в английской компании» (с. 476). Как всё, оказывается, просто — сама выучила язык, тут же начала его преподавать, надо полагать, на дому, поработала в английской компании (кем — секретарем, курьером, менеджером по персоналу, письменным или устным переводчиком или заместителем директора?) и сразу за перевод романов Джоан Роулинг.

В книге много свидетельств субъективного, пристрастного отношения одних переводчиков к работам других. Так, А. Петрова

скептически оценивает перевод Б. Пастернака из Верлена, в то время как А. Ревич его превозносит. В интервью с В. Муравьевым читаем, что М. Лозинский «чудовишно» перевёл «Божественную комедию» Данте, а не кто иной, как Е. Витковский называет работу Лозинского образцовой. Я склонен согласиться с мнениями А. Петровой и Е. Витковского.

В ответах даже опытных переводчиков встречаются утверждения, которые кроме сочувственной улыбки ничего вызвать не могут. Увенчанный многими переводческими премиями Г. Кружков, например, считает своей творческой удачей переводы с древнеирландского языка, которого он не знает. Это напоминает ситуацию, если бы слепой нарисовал портрет человека, которого он видеть не в состоянии, и утверждал бы, что изготовленный им портрет очень похож. Поэтому когда в XXI в. узнаёшь, что есть ещё люди, рифмующие подстрочники и выдающие эти упражнения за перевод, становится не по себе. Мне больше импонирует позиция таких уважающих себя авторов, как О. Седакова, которая в своём интервью говорит: «Я никогда не переводила с подстрочников, и явление этого странного монстра — подстрочника — меня просто ужасает. Я не перевожу с тех языков, на которых не читаю».

Другой занимающийся переводами человек, М. Белорусец, убеждает интервьюера в том, что, оказывается, «чтобы перевести текст, особенно поэтический — всё равно, стихи или прозу, — обязательно до конца, досконально его понимать». Позиция для переводчика весьма удобная, но она лишена такого неотъемлемого элемента переводческого ремесла, как ответственность — ответственность перед переводимым автором и ответственность перед будущим читателем. Всякий автор хочет, чтобы его поняли правильно, а всякий читатель надеется, что переводчик смог максимально полно проникнуть в мысли и чувства автора оригинала, а не предлагает ему приблизительные вариации на тему подлинника.

Странно выглядят на страницах книги многочисленные случаи самовосхваления, заносчивости переводчиков. Поэтому беседы с людьми скромными, деликатными запоминаются, а панегирики самим себе некоторых информантов хочется поскорее забыть.

Специфика художественного перевода как особого вида речевой деятельности человека заключается, на мой взгляд, прежде всего в том, что он представляет собой уникальный сплав науки и творчества, а именно науки о слове (т.е. всех лингвистических и литературоведческих дисциплин) и искусства слова (художественного словесного творчества). Именно поэтому ответы ряда филологов-переводчиков своей обоснованностью, глубиной, высказываемы-

ми сомнениями в правомерности тех или иных переводческих решений так разительно отличаются от «потока сознания» (так и подмывает написать: «потока без сознания») людей, по воле случая прибывших к переводу (ср., например, беседы с Н. Малиновской, О. Седаковой, с одной стороны, и интервью с В. Коганом и тем же А. Керви — с другой).

Вызывает сожаление отсутствие в книге интервью с такими переводчиками, как Ю. Архипов, В. Васильев, В. Куприянов, В. Лутчий, Е. Михелевич, С. Ромашко, Р. Эйвадис и др.

Е. Калашникова выполнила важную социальную и переводческую задачу: она поставила перед переводчиками зеркало и словно попросила каждого из них покрутиться перед ним, чтобы они могли продемонстрировать нам свои самые разные качества. Теперь эти зеркальные отражения достоинств и недостатков переводчиков перед нами.

Беседы переводчиков с Е. Калашниковой наглядно продемонстрировали, что многим из них недостает знаний — знаний языка оригинала и русского языка, фоновых знаний, они смутно представляют себе, что такое предпереводческий анализ текста, они зачастую не знают, из каких этапов состоит процесс перевода, у них не выработано уважительное отношение к подлиннику, зато для них характерно высокое самомнение. Как точно выразился известный петербургский переводчик В. Топоров, «переводом занимаются всё более маргинальные личности, которые обучают ещё больших маргиналов» (с. 498).

Подобная ситуация вызвана в значительной мере тем, что в настоящее время отсутствует оперативная и профессиональная критика переводов. В результате возникают дутые авторитеты, поскольку почти никто никогда не сопоставляет целиком оригинал с переводом, а оценивают лишь один перевод как текст на русском языке.

И мы можем теперь попытаться ответить на вопрос: так чего же в современных переводах на русский язык больше — нищеты или блеска? Прочитав восемьдесят семь интервью с переводчиками, собранных в книге Е. Калашниковой, я подозреваю, что в современных переводах намного больше нищеты. Однако чтобы иметь право утверждать это с полной уверенностью, необходимы, повторюсь, профессиональные сопоставления оригиналов и переводов, нужна действенная критика перевода. Другого пути нет. Никакие беседы с переводчиками не смогут однозначно ответить на этот вопрос. Ибо для подавляющего большинства из них всё, что они перевели, блестит — даже то, что по определению блестеть не может.

Список литературы

- Honig E.* The Poet's Other Voice / Conversations on Literary Translation. Amherst, 1985.
- Лысенкова Е.Л.* За строкой перевода (переводчики Р.М. Рильке о своем труде). Магадан, 2002.
- Лысенкова Е.Л.* Переводчики Р.М. Рильке о своем труде. Магадан, 1998.
- Нарбут Е.В.* Оригинал, текст-донор, перевод: проблемы взаимодействия (на материале переводов романа Э.М. Ремарка «Искра жизни» на русский язык): Дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2007.
- Ортега-и-Гассет Х.* Нищета и блеск перевода // Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы: Эссе о литературе и искусстве. М., 1991. С. 518—542.
- Перевод и переводчики: Науч. альманах каф. нем. яз. Северного междунар. ун-та (г. Магадан) / Гл. ред. Р. Р. Чайковский. Вып. 1. Р.М. Рильке; Вып. 2. Э.М. Ремарк; Вып. 3. Б. Окуджава; Вып. 4. В. Борхерт; Вып. 5. Лагерная литература; Вып. 6. Художественный перевод. Магадан, 2001—2009.

ПАМЯТИ

АНРИ МЕШОННИК (1932—2009)

8 апреля 2009 г. ушел из жизни Анри Мешонник — известный французский поэт, переводчик, лингвист, почетный профессор университета Париж-8. Анри Мешонник оставил богатое творческое наследие, насчитывающее более 60 работ, посвященных вопросам поэтики, теории перевода, общей лингвистике, теории знака.

Анри Мешонник родился в 1932 г. Он стоял у истоков экспериментального центра в г. Венсенн. Этот центр был создан осенью 1968 г. как реакция властей на требования студентов, уставших от схоластики. На базе центра сформировался коллектив исследователей-преподавателей, хорошо известных во всем мире учёных, таких как Жак Лакан, Мишель Фуко, Ив Лакост, Жил Делез и др. Именно этот центр послужил основой для нового университета — Париж-8, в котором Анри Мешонник преподавал до 1997 г.

Зачастую его идеи сводились лишь к сугубо техническим аспектам литературного творчества, но он стремился построить целостную комплексную теорию, связывающую поэтику с этикой и политикой.

Так, основной труд «Критика ритма» (*Critique du rythme*), вышедший в 1982 г. сразу после цикла работ «За поэтику» (*Pour la poétique I—V*), сопровождается подзаголовком «Историческая антропология языка». Ведь, по мнению автора, познание (восприятие) субъекта, общества и культуры требуют большего уточнения с позиций литературы и даже шире — культуры.

Среди других его наиболее значительных работ следует отметить «Знак и поэма» (*Le Signe et le poème*, 1975), «Современность, современность» (*Modernité modernité*, 1988), «Политика ритма — политика субъекта» (*Politique du rythme, politique du sujet*, 1995), «Утопия еврея» (*L'Utopie du Juif*, 1999). Его строгая теория тесно связана с переводами Библии «Пять» (*Les cinq rouleaux*, 1970), «Восхваления/Хвалы, перевод псалмов» (*Gloires, traduction des psaumes* 2001), «В пустыне, книга чисел» (*Dans le désert, le livre des Nombres* 2008) и собственным литературным творчеством.

Анри Мешонник говорил о необходимости передавать в переводе не то, «что слова говорят, а то, что они делают». Перевод, по его мнению, не только лингвистическая деятельность, одних лингвистических категорий оказывается недостаточно для описания переводческой деятельности.

В своём главном труде о переводе, в книге «Поэтика переводческой деятельности» (*Poétique du traduire*, 1999) Анри Мешонник предпринимает попытку построить всеобъемлющую теорию перевода.

По своему масштабу эта книга не имеет аналогов среди других работ по теории перевода. Он предлагает критическую модель как основание для выявления принципов и категорий, связывающих переводческую деятельность с литературным творчеством. Основная задача автора — обосновать необходимость связи переводческой деятельности и её результатов с функционированием художественных произведений в мировом литературном пространстве. Он критически подходит к стремлению некоторых исследователей свести научные разыскания в области перевода лишь к аспектам герменевтики, к проблемам понимания, когда забывается второй важный аспект перевода — перевыражение. Рассматривать перевод лишь с точки зрения проблем смысла, по мнению автора, — пренебрегать тем, что язык делает, а делает он гораздо больше, чем говорит. Основной вопрос поэтики, утверждает Анри Мешонник, — это «как?», «каким образом?».

И лишь комплексная теория языка и литературы, т.е. симбиоз лингвистики и литературоведения могут описать, и выявить все своеобразие перевода. Ведь переводятся не языки, а тексты. Об этом нельзя забывать, утверждает он. Забвение сразу очевидно проявляется в переводе. Именно это и следует показать, именно к этому должна стремиться теория перевода. Основопологающими категориями в данном случае становятся ритм, и постоянство.

Поэтика перевода определяется им как этика и политика отношений между самобытностью и «инаковостью», диктующих стратегию переводческого выбора и тактику переводческих трансформаций.

Ученый и поэт, Анри Мешонник, настаивает на необходимости связи теории и практики. Теория перевода, заключающаяся в построении теоретических моделей, не может быть состоятельной, если не опирается на опыт, на собственный переводческий опыт исследователя.

Анри Мешонник известен во Франции не только как поэт, литератор, лингвист, теоретик перевода, но прежде всего как выдающийся переводчик Библии. Его перу принадлежат переводы с древнееврейского языка на французский целого ряда ветхозаветных книг, среди которых «Книги Притчей соломоновых», «Книга Руфь», «Книга Есфирь», «Книга Песни Песней Соломоновых» и др. Филологическая и библиологическая компетентность переводчика, глубокое знание древнееврейского и древнегреческого языков позволили ему создать произведения, которые можно отнести к шедеврам библейских переводов.

Имя Анри Мешонника навсегда останется в европейской и мировой истории перевода как имя замечательного переводчика, наделённого особым даром чуткого понимания оригинального текста и талантом перевыражения. Его теоретические взгляды составляют целое направление в современной науке о переводе. Его творческое наследие достойно того, чтобы его пристально изучали многие поколения филологов, философов, теоретиков перевода.

О.И. Костикова

Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3, 17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к форме предоставления статей:

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МАТАСОВ Р.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ЕСАКОВА М.Н.**, **ЗАБРОВСКИЙ А.П.**,
КОЛЬЦОВА Ю.Н., **МИШКУРОВ Э.Н.**, **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**,
ТОРСУКОВ Е.Г., **ШАБАГА И.Ю.**

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректоры *А.Я. Марьясис*, *Г.Л. Семенова*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.

Тел. 697-31-28

Подписано в печать 14.05.2009. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 1,42.
Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 237 экз. Заказ № . Изд. № 8819.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.
119992, Москва, Ленинские горы.

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 1. 1—96.